

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

III ¹⁾.

Толки о бѣгствѣ диктатора. — Петровъ появляется въ Краковѣ для уплаты Лангевичу общанной суммы.—Поединокъ Грабовскаго съ Бобровскимъ.—Дѣйствія повстанцевъ въ Плоцкой губерніи.—Бѣгство Томашевскаго и Гротгуса.—Падлевскій назначается воеводой.—Его первыя распоряженія.—Красная партія.—Военныя дѣйствія.—Падлевскій подаетъ въ отставку.—Жондъ не принимаетъ ея.—Падлевскій ѣдетъ на встрѣчу познанской банды.—Арестованіе его со штабомъ.—Дѣйствія повстанцевъ въ Августовской губерніи.—Бѣглецы одолеваютъ красныхъ.—Сооруженіе статуи въ городѣ Сувалкахъ для поднятія народнаго духа.—Первыя банды.—Андрушкевичъ.—Рамотовскій.

Такой, никѣмъ неожиданный конецъ диктатуры взволновалъ всѣ повстанскіе умы. Такъ какъ было неизвѣстно, долго-ли просидитъ Лангевичъ подъ арестомъ, то считать его окончательно погибшимъ для возстанія никто не рѣшался. Притомъ ходили слухи, будто партія, способствовавшая его возвышенію, употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы выручить узника, и предложила за его освобожденіе довольно хорошій кушъ.... ²⁾. Но проходили дни за днями, а Лангевичъ сидѣлъ себѣ да сидѣлъ и стерегли его очень строго. Замѣтивъ, что онъ переглядывается съ Пустовойтовой и разговариваетъ съ нею условными знаками, перевели его на другую сторону башни, откуда было невидно дома, гдѣ содержался бывшій его «адъютантъ».... ³⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 179—246; 397—428. Настоящая глава въ общемъ трудъ Н. В. Берга составляетъ вторую половину гл. XI-й. Ред.

²⁾ 40,000 злотыхъ, по нашему 6 тысячъ рублей (Гиллеръ, I, 280, примѣчаніе).

³⁾ Нѣсколько позже, именно 2-го апрѣля н. ст., Лангевича перевезли въ Тышновиче, причемъ онъ сѣлъ въ вагонъ, въ 4-мъ часу по полудни, не на де-

При такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣлъ, краковскій «Часть», въ тотъ самый день, какъ диктаторъ былъ посаженъ въ цитадель на Вавелѣ (22-го марта н. ст.), протрубилъ о побѣдахъ Лангевича подъ Загостьемъ и Гроховисками, и объяснялъ поражение одной части войскъ его «замѣшательствомъ, возникшимъ вслѣдствіе удаленія на короткое время диктатора и неизвѣстности, гдѣ онъ находится»¹⁾. Но тутъ же, на всякій случай, дѣлалась такая оговорка: «Неизвѣстность, гдѣ находится диктаторъ, и кратковременное удаленіе его изъ одного лагеря не придаетъ еще этой потерѣ общаго характера. Еслибъ мы допустили даже, что диктаторъ исчезъ совсѣмъ, отъ этого положеніе вещей немного бы измѣнилось. Онъ правилъ слишкомъ недолго и на небольшомъ пространствѣ, чтобы могъ сосредоточить въ рукахъ своихъ пружины повстанской дѣятельности. Званіе диктатора было лишь формулой, подъ которою выразилась готовность на жертвы и самоотверженіе; выразилось то, чего народъ хочетъ. Но не отсюда ведетъ начало трудъ народный и настоящее движеніе»....

Днемъ позже, 23-го марта н. ст., извѣстный другъ поляковъ, Генелли, на засѣданіи нижняго парламента въ Лондонѣ, вычислилъ съ точностію пространство, на которомъ дѣйствовалъ Лангевичъ: оно оказалось всего-на-все въ 1,600 англійскихъ квадратныхъ миль, тогда какъ все возстаніе, по расчисленію того же лица, обнимало 16 тысячъ англійскихъ квадратныхъ миль.

Варшава вела себя нѣкоторое время какъ Краковъ: 22-го марта н. ст. кучка людей, составлявшихъ недавно жондъ народовой, а теперь переименованная въ диктаторскую исполнительную комиссію, велѣла разбросать по улицамъ Варшавы литографированные листки, съ описаніемъ побѣдъ Лангевича подъ Загостьемъ. Вышедшій тогда же 14-й номеръ «Руха» носилъ на себѣ диктаторскую печать, съ подписью вокругъ: «Dyktator.—Komissya Wykopawcza» (Диктаторъ. Исполнительная комиссія).

Кромѣ того, ходила по рукамъ перепечатка «Часа», что «диктаторъ неизвѣстно гдѣ; что онъ удалился куда-то по своей волѣ».

баркадеръ, а за варшавской заставой. Пустовойтовой позволено было отправиться послѣ этого, куда она пожелаетъ. Она переѣхала въ Прагу, гдѣ вмѣстѣ съ подругой своей, оперною пѣвицей Завишанкой, стала хлопотать объ освобожденіи своего друга. Ей удалось кое-какъ получить позволеніе увидѣться съ Лангевичемъ въ Тышновицахъ. Они затѣяли побѣгъ, съ 26-го на 27-е апрѣля, въ ночь. Лангевичъ для этого обрядся и перемѣнилъ одежду.... но тайна была открыта. 29-го апрѣля н. ст. бывшаго диктатора перевезли въ крѣпость Іозефштадтъ, гдѣ первое время не позволяли ему выходить рѣшительно нигуда, даже съ офицеромъ.

¹⁾ «Czas» 1863 г., № 67.

Какой-то «варшавянинъ» писалъ въ «Часъ», отъ 24-го марта н. ст.: «Судьба диктатора, битвы и событія въ краковскомъ воеводствѣ занимаютъ здѣсь всѣхъ въ высшей степени. Разные слухи мѣшаются между собою, такъ что изъ всего выходитъ рѣшительный хаосъ».

Въ одинъ изъ этихъ тревожныхъ для возстанія дней случилось нѣсколько загадочное происшествіе: извѣстный читателямъ Петровъ, имѣя откуда-то свѣдѣнія объ участи Лангевича, прибылъ въ Краковъ, чтобы «расплатиться съ бывшимъ диктаторомъ, которому далъ честное слово, за дарованіе ему свободы въ Собковѣ, внести въ лагерные расходы повстанцевъ 10 тысячъ злотыхъ» ¹⁾.

. . . . .

По приѣздѣ въ Краковъ, бывший плѣнникъ Лангевича посѣтилъ ту же минуту цитадель и требовалъ свиданія съ узникомъ. Его спросили: «зачѣмъ это?» Петровъ отвѣчалъ, что «считаетъ себя должнымъ Лангевичу 10 тысячъ злотыхъ, которые и хочетъ ему вручить». «Въ такомъ случаѣ,—сказали ему,—личное свиданіе съ узникомъ не нужно: передайте деньги коменданту цитадели. Половина ихъ, по существующимъ въ Австріи узаконеніямъ, должна поступить въ казну, а другая половина, будьте увѣрены, дойдетъ до арестанта. Петровъ передалъ деньги въ руки коменданта, и отправился отыскивать краковскій революціонный комитетъ,—отыскалъ и предъявилъ ему искъ на повстанцевъ краковского воеводства, взявшихъ у него изъ стола, въ имѣніи Осекѣ, 255 рублей денегъ. Комитетъ назначилъ по этому поводу засѣданіе, на которомъ дѣло Петрова рѣшено было въ его пользу. Предложили даже выдать ему изъ суммъ возстанія взятыя у него неправильно деньги, но Петровъ отказался, объявивъ краковскому жонду, что «онъ добивался только правды»—и затѣмъ уѣхалъ въ Варшаву ²⁾.

Почти одновременно со всѣмъ рассказаннымъ, члены жонда народоваго, Гиллеръ и Юсифъ Яновскій, напрасно проискавъ диктатора около Гощи и узнавъ потомъ о его печальной судьбѣ, перенбрались за нимъ въ Тарновъ, гдѣ дали хорошую взятку караульнымъ и были допущены къ арестанту. Гиллеръ тотчасъ спросилъ у Лан-

¹⁾ См. выше «Русскую Старину» 1879 г., томъ XXIV, глава I.

²⁾ Всѣ эти странныя вещи рассказаны автору самимъ Петровымъ, въ его варшавскомъ домѣ, на Хмѣльной улицѣ, въ 1865 году. Кромѣ того, Петровъ давалъ автору читать составленную имъ записку обо всѣхъ его похожденияхъ въ лагерѣ Лангевича и въ Краковѣ, но тамъ нѣкоторыя подробности, сообщенныя на словахъ, опущены, а маіоратъ Петрова Осекѣ названъ вымышленнымъ именемъ Дзенки.

Н. В.

гевича: «что его заставило согласиться на принятіе диктатуры?» Онъ отвѣчалъ: «еслибъ я не огласилъ себя диктаторомъ 10-го марта, — 11-го былъ бы имъ, въ моемъ же лагерѣ, Мирославскій!».

Поводомъ къ переходу Вислы Лангевичъ выставлялъ коварный со- вѣтъ Езеранскаго, котораго считалъ источникомъ всѣхъ своихъ не- счастлихъ. «Выручите только меня изъ тюрьмы, пойду бить москалей хоть съ оглоблей въ рукахъ!»¹⁾.

Затѣмъ Гиллеръ и Яновскій отправились въ Краковъ, гдѣ вскорѣ очутился и авторъ витіеватаго письма къ Лангевичу, посланный, какъ извѣстно читателямъ, вслѣдъ за первыми двумя лицами.

Вся интрига возведенія Лангевича въ диктаторы открылась пе- редъ ними во всѣхъ подробностяхъ. Собравъ наиболѣе солидныхъ и уважаемыхъ въ городѣ людей²⁾, Бобровскій, Яновскій и Гил- леръ нарядили слѣдствіе надъ графомъ Адамомъ Грабовскимъ, какъ самовольно присвоившимъ себѣ титулъ правительственнаго комиссара, и надъ сопровождавшими его въ лагерь Лангевича Юси- фомъ Колачковскимъ и Владиславомъ Семинскимъ, какъ участ- никами въ интригѣ, направленной къ потрясенію власти жонда.

По окончаніи перваго засѣданія «коммисіи», графъ Адамъ Гра- бовскій (довольно искусно защищавшій себя исключительнымъ по- ложеніемъ дѣлъ и опасностью, которая грозила возстанію со стороны Мирославскаго), выходя изъ залы, дружески со всѣми раскланялся и протянулъ руку даже самому строгому своему обвинителю, Бобров- скому, котораго считалъ къ тому же и авторомъ «письма народнаго правительства къ Лангевичу»³⁾, но Бобровскій отдернулъ свою руку и, вечеромъ того же дня, былъ вызванъ Грабовскимъ на дуэль. Бобровскій, на первыхъ порахъ, отказался драться вовсе, но когда, вслѣдствіе этого, поднялись въ городѣ сильныя толки и крики (сдѣ- лавшіе невозможнымъ продолженіе засѣданій слѣдственной коммисіи по дѣлу Грабовскаго, Колачковскаго и Семинскаго)—поручилъ за- няться разсмотрѣніемъ щекотливаго вопроса пріятелю своему К. Кра- сницкому⁴⁾ и рѣшить, «нужно-ли стрѣляться или не нужно?» а самъ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ его ждали съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, и на основаніи всего имъ видѣннаго и слышаннаго, взявъ во внима-

¹⁾ Гиллеръ, I, 280, примѣчаніе.

²⁾ Гиллеръ обозначаетъ ихъ буквами К. W. R. F. (I, 44).

³⁾ Это письмо Бобровскій, по пріѣздѣ въ Краковъ, отдалъ генералу Высоцкому, а тотъ показалъ его своимъ знакомымъ—и оно стало ходить по городу и вскорѣ явилось въ печати, при брошюрѣ «Wtył».

⁴⁾ По другимъ свѣдѣніямъ, были избраны арбитрами: генералъ Крушев- скій и литераторъ Северинъ Эльжановскій. Н. В.

ніе положеніе повстанскихъ дѣлъ во всѣхъ провинціяхъ, а также и взаимныя отношенія партій, написалъ новый уставъ, гораздо полнѣйшій, чѣмъ бывшіе дотолѣ въ ходу 9 параграфовъ Гиллера, и установившій, по мнѣнію автора—еслибъ только удалось ввести его во всѣхъ подробностяхъ—возможность всякой катастрофы на будущее время.

Взглянемъ теперь на другую, сѣверную часть Царства, по правую сторону Буга и Вислы, часть менѣе живую и кипучую, какъ бы съ другимъ, болѣе спокойнымъ польскимъ населеніемъ.

Много значитъ естественная граница, большая рѣка, не только въ государствѣ, но даже и въ городѣ. Она всегда дѣлитъ городъ на двѣ разныя половины, съ разными пріемами жизни, характеромъ и, нерѣдко, физіономіями жителей. Переѣхалъ за рѣку—и чувствуешь себя иначе, и уже забыть тою стороною, заводи другія знакомства, живи на новый ладъ, не такъ, какъ жилъ тамъ, на той сторонѣ.

Таково Замоскворѣчье нашей древней столицы; такова Петербургская Сторона для петербургскаго центра; таковы Грачинъ для пражанъ Колувратской, Фердинандской и другихъ центральныхъ улицъ чешской столицы; таковы Стамбуль для жителей Константинополя... и мало-ли еще примѣровъ... Точно такъ Висла и Бугъ дѣлятъ на двѣ разныя части конгрессувку. Настоящая жизнь—Кузнечій мостъ, Невскій проспектъ—кипитъ здѣсь, по сю, по лѣвую сторону сказанныхъ рѣкъ ¹⁾, и этой, нашей сторонѣ, какъ будто и дѣла вѣтъ до того, чтó совершается тамъ, вверху, на сѣверѣ, w Płockiem, Łomżyńskiem, Augustowskiem,—въ этомъ Замоскворѣчьи Царства Польскаго.

Взглянемъ же, чтó дѣлалось въ этомъ «Замоскворѣчьи», пока все-разсказанное нами совершалось на другой, южной сторонѣ Царства.

Когда усилія повстанцевъ овладѣть Плоцкомъ, съ цѣлью оглашенія тамъ явнаго народнаго правительства, кончились ничѣмъ, революціонная жизнь въ плоцкомъ и августовскомъ воеводствахъ на время замерла. Всѣ растерялись. Военный начальникъ плоцкаго воеводства, Томашевскій ²⁾, куда-то скрылся. Помощникъ его, Гротгусъ, сдѣлалъ то же. Занявшій послѣ этого постъ воеводы, адвокатъ Зеграда.

¹⁾ Собственно, по границу Плоцкой губерніи, состоящую изъ рѣкъ: Буга отъ рѣки Нурца до Новогеоргиевской крѣпости и далѣе,—Вислы до прусской границы.

²⁾ Кажется, это былъ псевдонимъ нашего артиллерійскаго офицера Конрада Блащинскаго, по гербу Бонча.

какъ мы видѣли, застрѣлился. Коммисарь Пултускаго уѣзда, Броневскій, ушелъ за Наревъ. Уѣздный начальникъ того же уѣзда, Михневичъ, прикидывался помѣшаннымъ, а можетъ быть, и дѣйствительно помѣшался. Помѣщики подымали на смѣхъ разныя власти повстанской организаціи тѣхъ мѣсть, съ ихъ приказами и предписаніями, и не давали бандамъ ничего. Иные даже, просто-за-просто, не пускали къ себѣ чиновниковъ народнаго правительства на глаза, какъ сдѣлалъ, на примѣръ, съ новымъ коммисаромъ Пултускаго уѣзда. Збигнѣвомъ Хондзынскимъ, сенаторъ Дзѣдзицкій. Вліятельный помѣщикъ Зонненбергъ и нѣкоторые другіе совѣтовали начальникамъ скрывшихся, Богъ въдаетъ гдѣ, бандъ распустить народъ по домамъ, а самимъ бѣжать куда глаза глядятъ или сидѣть смирно.

Между тѣмъ Падлевскій, выѣхавшій изъ Варшавы тотчасъ послѣ набора, именно 17-го января н. ст., съ тѣмъ, чтобы, сформировать большую банду изъ «варшавскихъ дѣтей», ударить съ нею на Новогеоргиевскую крѣпость (гдѣ была въ заговорѣ съ повстанцами юнкерская школа и яко бы нѣкоторая часть войскъ: такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ кружкахъ заговорщиковъ),—узналъ на дорогѣ, что юнкера переведены изъ крѣпости въ Россію, а гарнизонъ пополненъ новопривывшими изъ Россіи баталіонами; да и банда, которую ему удалось сформировать въ Блонскихъ лѣсахъ изъ тѣхъ скитальцевъ, какихъ мы видѣли въ началѣ предыдущей главы, между Варшавой и Кампиносомъ, была весьма незначительна и плохо вооружена, а потому Падлевскій двинулся съ нею влѣво, преслѣдуемый нашими войсками до слитія Бзуры съ Вислой, перешелъ послѣднюю по тающему льду и очутился въ плочкомъ воеводствѣ ¹⁾, гдѣ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ столкновеніи съ повстанцами отряда Козлянинова подъ Цѣлковымъ, и, вскорѣ затѣмъ узнавъ о судьбѣ Томашевского и другихъ начальниковъ, рѣшился принять на себя обязанности воеводы, о чемъ снесся немедля съ варшавскою исполни-

¹⁾ Гиллеръ, I, 36. Рассказываютъ такую исторію о встрѣчѣ Падлевскаго съ отрядомъ полковника генеральнаго штаба Кривоносова. Разыскивая банды, Кривоносовъ остановился переночевать въ деревнѣ Сыцыминѣ, у помѣщика Черновскаго. Въ это время разбѣды захватили какого-то неопредѣленнаго господина, ѣхавшаго куда-то на телѣгѣ, и привели въ Сыцыминь. Это былъ Падлевскій. Онъ бросился къ Черновскому въ объятія и успѣлъ ему шепнуть, что «дѣло плохо, что онъ—такой-то». Черновскій, нисколько не сконфузясь, рекомендовалъ его Кривоносову какъ своего кузена, помѣщика сосѣдней деревни. Послѣ ужина, за которымъ сильно доставалось повстанцамъ, Кривоносовъ далъ Падлевскому охранную записку—и онъ уѣхалъ къ бандамъ.

тельною комиссіей (замѣнявшею тогда жондъ народовой) и былъ утвержденъ ею въ этомъ званіи ¹⁾.

Люди, призванные играть какія-либо роли въ возстаніяхъ, что-либо значить, командовать, имѣть вліяніе, одушевлять массы, подымать духъ своихъ подчиненныхъ въ критическія минуты—родятся въ особыхъ сорочкахъ, бываютъ другаго закала, чѣмъ всѣ прочіе, проходятъ особый повстанскій курсъ, во-время проигрываютъ революціонныя «гаммы». Падлевскому не случилось родиться такимъ повстанцемъ. Онъ былъ, просто-за-просто, русскій гвардеецъ либеральнаго направленія, наслушавшійся кое-какихъ отрывочныхъ революціонныхъ лекцій въ Брестскомъ корпусѣ, потомъ—въ кружкахъ Домбровскаго и Сѣраковскаго въ Петербургѣ, наконецъ—около «Ангела революцій» (какъ называли поляки Гарибальди) и другихъ революціонныхъ коноводовъ Европы. Вотъ весь его неполный повстанскій курсъ, пройденный кое-какъ, урывками, безъ особеннаго увлеченія: чтó вскакивало случайно въ ухо. Падлевскій попалъ на революціонную дорогу совсѣмъ не по призванію, а какъ-то такъ, занесло вѣтромъ. При военной, эффектной фізіономіи, высокомъ ростѣ, громкомъ голосѣ, вообще умѣньѣ держать себя съ внѣшней стороны аристократически-импозантно, изъ него могъ бы выработаться недурной начальникъ части, еслибъ только его обломала хоть одна революція, еслибъ онъ взглянулъ на эти дѣла близко, съ задняго и передняго подъѣздовъ. Идти далѣе, завѣдывать обширнымъ революціоннымъ отдѣломъ, быть воеводой, диктаторомъ (о чемъ онъ постоянно мечталъ)—онъ бы никогда не могъ: повторяемъ, у него не было на это надлежащихъ природныхъ способностей. Между тѣмъ судьба поставила его прямо въ самый сильный революціонный огонь и притомъ въ невыгодной позиціи,—его, который не видалъ и самыхъ малыхъ стычекъ, не пережилъ передрагъ ни одной революціи. Само собою разумѣется, онъ растерялся.

Повстанская организація Плоцкой губерніи, когда прибылъ туда Падлевскій, была, въ сущности, только потрясена, но не распалась вовсе. Банды, правда, сильно разстроеныя, всетаки держались по разнымъ лѣснымъ трупобамъ и тайнымъ квартирамъ, ожидая удобнаго момента, когда имъ можно будетъ выйти и биться съ москалями. Онѣ инстинктивно понимали, что настоящій революціонный вождь разглядитъ ихъ во всякой глуши и во всякую непогодь—и напря-

¹⁾ Матеріалы плоцкаго военнаго отдѣла: письма разныхъ чиновъ тамошней повстанской организаціи и рапорты ихъ Падлевскому. Также «Записки Авейде, IV, 19, примѣчаніе.

женно прислушивались, не раздастся ли гдѣ призывный, одушевляющій голосъ такого вождя? Падлевскій воззвалъ къ нимъ обыкновеннымъ гвардейскимъ приказомъ по войскамъ, отъ 25-го января н. ст. Никто не откликнулся. Даже кучка людей, которая пришла съ воеводой изъ Кампиносской пущи, стала быстро таять. А тутъ—набираютъ со всѣхъ сторонъ русскіе отряды, давно обученные военной грамотѣ, стройные, веселые, спокойные!..

Воевода сѣлъ и написалъ, 27-го января н. ст., такой приказъ:

«Товарищи! Въ минуту, когда, со всѣхъ сторонъ обманутые и обезсиленные, мы не въ состояніи шевельнуть пальцемъ; когда нѣтъ средствъ спасти геройскою смертью честь края, опозореннаго нашимъ собственнымъ безпутствомъ, а не смѣю, мнѣ запрещаетъ совѣсть требовать отъ васъ бессмысленнаго пролитія крови. Васъ осталось всего-на-все 80, можетъ быть 100, выдержавшихъ характеръ до конца, а тысячи разбѣжались и, вѣроятно, не вернуться: чтожь толку, если вы перенесете еще нѣсколько дней голоду и холоду и потомъ, окруженные вчетверо сильнѣйшимъ врагомъ, погибнете геройски? это будетъ ничего больше, какъ отчаянное усиліе и не заслуженная смерть, не ведущая ни къ чему. Это дастъ только поводъ врагамъ нѣсколько дней долѣе издѣваться надъ нашимъ несчастіемъ; а тѣ, кто губилъ и всегда будетъ губить и уничтожать всѣ наши усилія, кто попираетъ ногами кровь народнаго искупленія, называя измѣнниками людей, ее проливающихъ, что нарушили ихъ рабское спокойствіе,—нимъ будетъ возможность нѣсколько долѣе проклинать васъ и наконецъ предать не только врагамъ, но и самому сатанѣ.

«Два дни тому назадъ, приказомъ отъ 25-го января, я звалъ васъ на бой; теперь долженъ вамъ съ горечью сказать: расходитесь! Бросьте сладкія мечты и благородныя стремленія, бѣгите, да! бѣгите! Сегодня шляхта, можетъ быть, еще дастъ вамъ какое нибудь убѣжище, а немного позже и очень скоро назоветъ васъ бродягами и, что еще хуже, откажетъ вамъ въ пріютѣ!

«Прощайте! Кто достигнетъ благополучно Варшавы, вѣроятно, найдетъ меня тамъ (если не попадусь въ руки москалей) и тогда объяснимся на счетъ настоящаго моего приказа»¹⁾.

Приказъ этотъ готовъ былъ полетѣть по воеводству.... какъ вдругъ у воеводы собралась кучка наиболѣе дѣятельныхъ и неустрашимыхъ членовъ плоцкой революціонной организаціи. Стали толковать о трудномъ, почти безвыходномъ ихъ положеніи, о козняхъ бѣлой партіи... Наивный гвардеецъ признался своимъ гостямъ, что «считаетъ дѣло возстанія проиграннымъ безвозвратно, по крайней мѣрѣ въ плоцкомъ

¹⁾ Авторъ видѣлъ подлинный приказъ собственными глазами. Онъ весь писанъ рукою Падлевскаго. Внизу приложена печать плоцкаго воеводы и подписано: Сигизмундъ Падлевскій. Это единственный приказъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ авторомъ, съ полною подписью имени и фамиліи Падлевскаго. Надо замѣтить, что тогда онъ не былъ еще утвержденъ жондомъ въ званіи воеводы. По утвержденіи, подписывался всѣмъ титуломъ и, вмѣсто имени и фамиліи, ставилъ неясные крючки.

воеводствѣ»,—и затѣмъ прочелъ имъ «приказъ», приготовленный къ отсылкѣ въ разстроенные ряды арміи.

Гости пришли въ ужасъ и стали укорять воеводу въ безхарактерности и легкомысленномъ допущеніи къ себѣ разныхъ подозрительныхъ личностей, которыя его только сбиваютъ и совращаютъ съ пути ¹⁾. Въ особенности шумѣлъ и выходилъ изъ себя новый пултускій комиссарь, Збигнѣвъ Хондзынскій (въ организаціи Людвигъ Бялый), человѣкъ неслыханно дерзкій, который, за отсутствіемъ въ воеводствѣ дѣйствительнаго начальника, забралъ все въ свои руки и распорядился не только въ Пултускомъ уѣздѣ, но и въ другихъ ближайшихъ, какъ полный глава и хозяинъ. Онъ сказалъ между прочимъ, что «положеніе воеводства еще не такъ безнадежно, какъ кажется на первый взглядъ людямъ близорукимъ, ничего не смыслящимъ въ повстанскихъ дѣлахъ. Банды есть; одушевленіе надо возбудить; деньги будутъ; немного энергіи, принудительныя номинаціи, жандармы съ кинжалами и револьверами—и краѣ черезъ нѣсколько дней не узнаешь!» «Что-же касается чистосердечныхъ приказовъ по арміи (замѣтилъ Хондзынскій) — они всегда ложь, всегда — фальшивые тоны въ повстанской, да и въ какой угодно военной музыкѣ. Повстанецъ-ли командуетъ войсками, другой-ли какой генераль: онъ долженъ непременно скрывать отъ солдатъ и отъ свѣта очень многое и ни въ какомъ случаѣ не теряться. Еще не бывало такого главнокомандующаго, который бы не солгалъ ни разу въ своихъ приказахъ по арміи. А потому приказъ воеводы, приготовленный къ огласкѣ, можетъ стать, самъ по себѣ и очень честный и благородный приказъ,—въ настоящую минуту никуда негодится и долженъ быть замѣненъ другимъ».

Гвардеецъ отвѣчалъ, что «все сказанное было-бы справедливо, еслибъ въ плоцкомъ воеводствѣ существовала хотя какая либо повстанская организація и войска, но ничего этого нѣтъ, вслѣдствіе чего онъ и хочетъ отправиться въ Варшаву, а, конечно, не изъ трусости. Въ Варшавѣ еще можно найти какое нибудь дѣло и кѣмъ-нибудь командовать; наконецъ, можно перебраться на правый берегъ Вислы: тамъ есть банды и кипитъ жизнь, а здѣсь все умерло. Впрочемъ, если ему докажутъ, что и въ плоцкомъ воеводствѣ существуетъ организація и есть люди, которыхъ можно вести въ бой—онъ останется. Приказъ, который находятъ непрактичнымъ, не трудно унич-

---

¹⁾ Авейде увѣряеть, что Зонненбергъ, подговорившій бѣжать Томашевскаго и Гротгуса, подговаривалъ къ тому же и Падлевскаго (III, 37, примѣчаніе).
Н. В.

тожить. Только новаго онъ писать не станеть. Пусть пишутъ другіе, кому угодно, и прикладываютъ воеводскую печать. Мѣшать этому онъ не станеть, да и не въ правѣ, потому что еще не воевода».

Хондзынскій сѣлъ и написалъ, какъ-бы отъ лица воеводы, слѣдующее:

«Граждане! Вся Польша пылаетъ мщеніемъ. Чудеса отваги и самоотверженія совершаются на всемъ пространствѣ нашего отечества; испуганный врагъ бѣжитъ и кидаетъ оружіе. Одно лишь плоцкое воеводство, самое обильное по числу заговорщиковъ, вслѣдствіе апатіи повстанцевъ и измѣны коекого изъ шляхты, чьи имена народъ завтра-же, быть можетъ, станеть проклинать, а теперь они выставляются на публичное позорище: Колчевскій, Зонненбергъ, Уяздовскій, Болянскій, Тршцинскій, Климовичъ и нѣкоторые другіе,—отстало отъ прочихъ и бросаетъ нѣсколько десятковъ повстанцевъ, которые бились и выдержали до конца, на жертву вражескаго милосердія или на поруганіе, и хладнокровно смотритъ на непостыжества, какимъ разъяренный врагъ, не видя ни откуда поддержки, предается. Моя гражданская совѣсть и присяга, принесенная передъ лицомъ Бога и отчизны, не дозволяютъ мнѣ допускать подобныхъ поруганій, а также и подобнаго равнодушія. Обращаюсь къ вамъ еще разъ ¹⁾, чтобы вы какъ можно скорѣе возвратились къ вашимъ обязанностямъ, и призываю васъ къ поголовному возстанію. Граждане! Отечество требуетъ отъ васъ самоотверженія. Весь край упредилъ васъ и сталь подъ оружіе. Послѣдуйте его примѣру—и черезъ три дня въ цѣломъ воеводствѣ не останется ни одного московскаго солдата! Еслижъ вы, не смотря на это воззваніе, не явитесь на своихъ мѣстахъ—вооруженные отряды получатъ приказаніе вербовать васъ силою».

Приказъ этотъ, скрѣпленный печатью плоцкаго воеводы и подписанный Падлевскимъ, пошелъ гулять по лѣсамъ. Кромѣ того, Хондзынскій склонилъ Падлевскаго подписать смертный приговоръ сенатору Дзѣдзицкому ²⁾, и онъ былъ приведенъ въ исполненіе 1-го февраля н. ст., въ дер. Домбровкѣ, Праснышскаго уѣзда, бандою Өомы Кольбе: Дзѣдзицкаго повѣсили, при значительномъ стеченіи народа.

Проявленіе силы всегда и вездѣ производитъ эффектъ: помѣщики трухнули; часть ихъ бѣжала за Вислу, часть за границу, часть попряталась; а нашлись и такіе, которые разыскали главную квартиру воеводы (въ глухихъ лѣсахъ между Пултускомъ и Островомъ) и просили его принять ихъ на службу. Стали мало-по-малу показываться изъ тайныхъ укрытій и лѣсныхъ труппъ и банды, группируясь около воеводы. Этому способствовалъ отчасти терроръ Хондзынскаго, от-

¹⁾ Подъ первымъ разомъ разумѣетъ приказъ Падлевскаго отъ 25-го января нов. ст.

²⁾ Авейде, IV, 17.—Авторъ видѣлъ другой, позднѣйшій, смертный приговоръ помѣщику Юлію Хелмицкому, написанный весь рукою Падлевскаго, но не приведенный въ исполненіе.

части благопріятныя извѣстія о ходѣ возстанія за Вислой, въ южной части Царства Польскаго, привезенныя депутатами, которыхъ послала туда нарочно бѣлая партія.

Вообще дѣла плоцкой организаціи, какъ предсказывалъ Хондзынскій, пошли иначе. Самого воеводу было узнать нельзя: одѣтый изящно, въ черной франтовской чамаркѣ, въ безукоризненномъ бѣлѣ и окруженный множествомъ адъютантовъ ¹⁾, Падлевскій принималъ, въ извѣстные часы, разныхъ офицеровъ и чиновниковъ, выслушивалъ доклады, подписывалъ бумаги и суетился пуце всякаго главнокомандующаго большою арміей. Столъ его былъ заваленъ планами, картами, бланками, перьями, карандашами, представляя совершенную противоположность столу Лангевича, какъ и самъ Лангевичъ представлялъ противоположность Падлевскому.

Дойти до воеводы было очень трудно: требовались доклады, справки.

Однажды какой-то помѣщикъ, ветеранъ 1831 года, прибылъ въ штабъ воеводы съ сыномъ и, не найдя дежурнаго адъютанта, прошелъ прямо въ кабинетъ «генерала».

— Чтѣ вамъ угодно?—спросилъ Падлевскій строгимъ тономъ.

— «Przywiozłem siebie i syna na ołtarz ojczyzny!» ²⁾—былъ отвѣтъ.

— Это очень похвально, но... какъ вы смѣли войти сюда безъ доклада?

Помѣщикъ этотъ никогда не могъ спокойно рассказывать о такомъ пріемѣ плоцкаго воеводы.

Банда, состоявшая въ непосредственномъ распоряженіи Падлевскаго, слагалась изъ нѣсколькихъ мелкихъ партій, сформированныхъ разными помѣщиками, между которыми Цихорскій (подъ псевдонимомъ Замечка) былъ наиболѣе расторопнымъ и вліятельнымъ. Онъ, можно сказать, и былъ дѣйствительнымъ начальникомъ банды, входилъ во всѣ подробности ея быта, завелъ правильныя ученія и стрѣльбу въ цѣль. По его же плану, всѣ ихъ силы (тысячъ до двухъ человекъ) раздѣлены были на двѣ части, или баталіона, изъ коихъ каждый состоялъ изъ 10-ти секцій. Немного позже, при этой бандѣ явилась и кавалерія, коней во сто.

Неясныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ достигли прежде всего до Пултуска и оттуда послана на рекогносцировку рота Нижегородскаго пѣх. полка, которая открыла повстанцевъ близъ д. Пршетычъ ³⁾, имѣла

¹⁾ Гиллеръ замѣчаетъ, что многіе изъ вождей возстанія имѣли слабость къ большимъ штабамъ и неопредѣленному количеству адъютантовъ. У нѣкихъ отрядныхъ начальниковъ были штабы, могшіе служить для огромной арміи (II, 237).

²⁾ «Привезъ себя и сына на алтарь отечества».

³⁾ 19 верстъ отъ Острова, въ направленіи къ Пултуску.

съ ними перестрѣлку, но, замѣтивъ несоразмѣрность своихъ силъ съ силами противника, ретировалась къ Пултуску. Послѣ этого двинуть изъ Плонска ¹⁾ отрядъ въ 1½ роты Муромскаго пѣх. полка и 1½ сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Валугева. Проходя черезъ Пултускъ, онъ захватилъ еще 1½ роты Нижегородскаго пѣх. полка, такъ что всего-на-все было у него около 800 человекъ.

Когда Падлевскій узналъ о приближеніи Валугева и о размѣрахъ его отряда, то не рѣшился принять боя, а пошелъ форсированными маршами на сѣверъ, съ цѣлю соединиться съ большою познанскою бандой, о которой писали ему тамошніе комиссары. Переправляясь черезъ Наревъ немного выше Остроленки ²⁾, онъ уничтожилъ за собою всѣ средства переправы, такъ что Валугевъ, висѣвшій у него на хвостѣ, подошелъ къ Нареву и, не найдя никакой возможности переправиться тамъ, гдѣ переправился Падлевскій, долженъ былъ спуститься къ Остроленкѣ и только тутъ перешелъ на другой берегъ.

Въ высшей степени форсированные марши и расторопность начальника нашего отряда всетаки взяли свое: банда плоцкаго воеводы была достигнута въ углу, у границъ Августовской губерніи и Пруссіи. Между тѣмъ познанская банда не явилась и Падлевскій, притиснутый къ городу Мышинцу ³⁾, принялъ, 25-го февраля ст. ст., бой, который продолжался 6 часовъ, послѣ чего повстанцы отступили. Вся потеря ихъ неизвѣстна, только въ главномъ пунктѣ боя насчитано 125 труповъ. Наша потеря состояла въ нѣсколькихъ десяткахъ убитыхъ и раненыхъ ⁴⁾.

Пользуясь хорошими проводниками, банда ушла въ непроходимыя чащи Мышинцкихъ лѣсовъ и никакая энергія была не въ состояніи напасть на ея слѣды, въ особенности при террорѣ, который началъ тогда господствовать въ Плоцкой губерніи повсемѣстно, благодаря распоряженіямъ Хондзынскаго. Послѣ оказалось, что Падлевскій пошелъ къ югу, на дер. Дронжево, тогда какъ Валугевъ, сбитый фальшивыми показаніями «языковъ», взялъ правѣе на дер. Хоржелъ.

¹⁾ 60 съ небольшимъ верстъ отъ Пултуска.

²⁾ Отъ Пршетыча до Остроленки около 40 верстъ.

³⁾ Остроленскаго уѣзда.

⁴⁾ Мѣстныя свѣдѣнія и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 12. Въ этомъ бою Падлевскій велъ однажды лично въ атаку косинеровъ, держа въ рукахъ народное знамя (Гиллеръ, II, 247). Не разъ бывали минуты, когда косинеры, хорошо обученные владѣть своимъ мудренымъ оружіемъ, принуждали нашихъ къ отступленію. Вся трудность дѣйствія косою въ боѣ заключается въ томъ, чтобы коса не ложилась при ударѣ плашмя. Генералъ Краснокутскій связывалъ автору, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ наше правое крыло подъ Игназовымъ (въ боѣ, который будетъ описанъ ниже) подало отъ натиска косинеровъ.

Падлевскій устроился на нѣкоторое время въ Дронжевѣ, богатомъ имѣніи графа Красинскаго, весьма комфортабельно. Опять франтовскія чамарки, лакированные сапоги, сіяющее какъ снѣгъ бѣлье. Хорошенькая дочь управляющаго имѣніемъ, Рейха, заставила воеводу забыть объ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, и онъ еще разъ доказалъ, какой онъ плохой предводитель польскихъ гверильясовъ: вокругъ главной квартиры не разставлялось ни цѣпей, ни пикетовъ и вообще не соблюдалось принятыхъ во всякомъ войскѣ порядковъ. Всѣ, отъ военачальника до послѣдняго солдата, только и знали, что кутили. А потому отрядъ, посланный изъ Прасныша, въ двѣ роты Нижегородскаго пѣхотнаго полка, 30 казаковъ и 2 орудія, подъ командой подполковника Горѣлова, съ тѣмъ чтобы открыть, во что бы то ни стало, пребываніе плоцкаго воеводы, напалъ на него совершенно враспlochъ. Падлевскій, со всѣмъ штабомъ, едва-едва спасся, оставя въ домѣ Рейха всѣ бумаги и богатую енотовую шубу. Банда, безъ начальника, отчаянно билась въ улицахъ Дронжева, потеряла много людей, а остатки ея скрылись въ лѣсу. Въ числѣ убитыхъ оказался организаторъ воеводства, Эдуардъ Рольскій ¹⁾).

Подъ конецъ боя явился въ Дронжевѣ и Валувевъ, изъ-подъ Хоржеля, но чрезвычайное утомленіе его солдатъ, какъ равно и отряда Горѣлова, не позволило продолжать преслѣдованіе непріятеля по лѣсамъ. Выбраны были только охотники изъ отряда Горѣлова, но они, не сдѣлавъ ничего, воротились въ Праснышъ, гдѣ Горѣловъ сформировалъ новый отрядъ и, руководствуясь разными соображеніями, пошелъ немедля на сѣверо-западъ. Весьма скоро получены были свѣдѣнія о близости банды Падлевскаго. Подъ дер. Зембокомъ произошло небольшое столкновеніе, 3-го марта ст. ст., послѣ чего банда, потерявъ 150 человекъ убитыхъ и 100 ружей, направилась къ Плоцку и, перейдя рѣку Вкру у мѣст. Стршегова, уничтожила за собою переправу, вслѣдствіе чего Горѣловъ долженъ былъ остановиться ²⁾.

Между тѣмъ, шедшая на соединеніе съ Падлевскимъ банда Юрковскаго (сидѣльца чайнаго магазина Крупецкаго, въ Варшавѣ) разбита 28-го февраля ст. стили есауломъ Дукмасовымъ, подъ дер. Рыдзеву, Праснышскаго уѣзда. Остатки ея распущены по квартирамъ.

Воевода, напрасно прождавъ эту банду, двинулся въ глухіе лѣса Млавскаго уѣзда, между Вѣжунемъ, Серпцемъ и Раценжемъ, съ намѣреніемъ тамъ отдохнуть, но вдругъ новый отрядъ изъ Плонска, въ двѣ роты Муромскаго полка и 80 казаковъ, подъ начальствомъ под-

¹⁾ Мѣстныя свѣдѣнія и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 13, стр. 10.

²⁾ Мѣстныя свѣдѣнія и Журналъ Военныхъ дѣйствій, въ № 13, стр. 11. Въ Ж. В. д. стоитъ 10-е марта ст. ст.

полковника Жевахова, открылъ слѣды повстанцевъ и, не смотря на свои малыя силы, отважился завязать съ ними бой, подъ мѣст. Шренскомъ. Падлевскій, считавшій въ своихъ рядахъ до 1,800 человекъ, углубился въ лѣсъ, въ направленіи къ м. Радзанову, съ видимымъ желаніемъ заманить Жевахова. Жеваховъ пошелъ вслѣдъ за повстанцами и снова имѣлъ съ ними перестрѣлку. Падлевскій еще углубился въ лѣсъ. Жеваховъ остановился близъ дер. Сементково-Рогальне. Положеніе его было крайне-критическое. Падлевскій могъ его окружить и взять въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ, но для этого нужны были обученные военному искусству и хорошо дисциплинированные солдаты. Солдаты же Падлевскаго отказались ему повиноваться. «Вамъ бы только утекать (uciekać),—сказалъ онъ имъ,—эхъ, вы уцекинеры!» Такъ родилось это слово, употреблявшееся послѣ въ разныхъ отрядахъ, даже вошедшее въ польскую военную литературу послѣднихъ дней.

Вскорѣ слухи о выступленіи двухъ новыхъ отрядовъ: изъ Плоцка въ 1½ роты Муромскаго пѣхот. полка, подъ начальствомъ подполковника Набокова, и изъ Млавы, тоже въ 1½ роты, подъ начальствомъ есаула Дукмасова, заставили Падлевскаго подумать о спасеніи своей банды. Онъ бросился мимо мѣст. Серпца, по лѣсамъ Липновскаго уѣзда, и наткнулся на третій отрядъ, маіора Дроздова, выступившій изъ Липно. Онъ могъ его разбить очень легко, затѣмъ идти противъ Набокова—разбить и его, хотя бы вмѣстѣ съ Дукмасовымъ, но и на это нужны были другіе солдаты, а не своевольные уцекинеры, которыми командовалъ плоцкій воевода и которые хотѣли не биться, а только уходить и уходить, говоря, что въ этомъ-то и заключается настоящая повстанская стратегія ¹⁾.

Падлевскій, дѣлать нечего, снова углубился въ лѣса и въ деревнѣ Хоржель распустилъ, съ отчаянія, банду, а самъ, со штабомъ и частію кавалеріи, бѣжалъ въ западный уголъ Плоцкой губерніи. Это было 10-го марта ст. ст. Руки его опустились. Онъ растерялся еще болѣе, чѣмъ въ первыя минуты управленія воеводствомъ. Хондзынскаго, или кого-либо другаго, для поддержанія его духа и для созданія новыхъ бандъ, подъ рукой у него не случилось. Въ довершеніе удара, пришло извѣстіе о диктатурѣ человека, на котораго Падлевскій нѣкогда (въ Генуѣ и въ Кунео) едва удостоивалъ бросать и взгляды, какъ на плебея, не имѣвшаго никакого понятія объ элегантныхъ манерахъ и изящныхъ чамаркахъ, съ соответственнымъ бѣльемъ. И

¹⁾ Падлевскій въ послѣдствіи бесѣдовалъ съ начальникомъ плоцкаго военнаго отряда, генераломъ Семеко ѵ, объ этихъ минутахъ съ большою горечью. (Сообщено автору самимъ генераломъ Семеко ѵ). Н. В.

вдругъ на этого плебея посыпалось неслыханное счастье! Его называютъ диктаторомъ, его, въ комъ нѣтъ ничего диктаторскаго! Къ нему ринулось изъ плоцкаго воеводства все, что еще не положило оружія. Даже кругъ адъютантовъ Падлевскаго началъ рѣдѣть. Но что должна была испытать гордая душа этого самолюбиваго человѣка, когда плебей—Лангевичъ прислалъ ему чинъ генерала!

Тонкій и сообразительный Бобровскій, котораго пытливый взглядъ бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ и умѣлъ видѣть, болѣе или менѣе, все, что дѣлалось въ разныхъ воеводствахъ, черкнулъ пріятелю въ извѣстномъ для читателей письмѣ такія строки: «Тебѣ лично, разумѣется, очень больно, что ты до сихъ поръ не сравнился со старымъ товарищемъ, но вѣдь предъ тобою—открытое поле!... а возстаніе наше нескоро кончится. Кто знаетъ, кому еще стоять во главѣ!»

«Ты долженъ постоянно помнить, что въ народномъ правительствѣ у тебя — я, твой неизмѣнный другъ, который употребить всѣ мѣры, чтобы доставить тебѣ высшее положеніе, случись лишь къ тому малѣйшая возможность!»¹⁾

Но эти утѣшенія звучали очень странно среди глухихъ лѣсовъ, въ дер. Мысликувкѣ, гдѣ плоцкаго воеводу (снова предавагося, съ горя, романтическимъ похожденіямъ) могли ежеминутно взять бродившіе кругомъ русскіе отряды и разстрѣлять.

Воевода безъ арміи, съ однимъ-двумя адъютантами, принужденный смотрѣть сквозъ пальцы на своеволие Хондзынскаго, котораго власть все болѣе и болѣе возрастала, думалъ, думалъ, что ему дѣлать — и вдругъ написалъ жонду просьбу объ отставкѣ, приложивъ тутъ же письмо и къ Бобровскому, котораго умолялъ дать этой просьбѣ возможно скорый ходъ.

Просьба и письмо пришли въ Варшаву въ то время, когда Бобровскаго тамъ не было. Жондъ вскрылъ ихъ и приказалъ одному изъ членовъ написать Падлевскому, что «не находить возможнымъ уволить его въ настоящую минуту, потому что на его мѣсто нѣтъ никакого преемника, и просить его, во имя отечества, продолжать службу».

Бобровскій, по возвращеніи изъ Кракова, также написалъ къ другу горячее письмо, гдѣ умоляетъ его «выбросить изъ головы блаженную мысль объ отставкѣ и удаленіи за границу, говоря, что это — дикій, временный кошмаръ, который пройдетъ. Что если они (Бобров-

¹⁾ Это писалось тотчасъ послѣ признанія народнымъ правительствомъ диктатора, но пришло къ Падлевскому (за невозможностью правильной коммуникаціи) тогда, какъ авторъ письма былъ уже въ Краковѣ. Н. В.

скій и Падлевскій) бѣгутъ, это будетъ паденіе ниже Бончи ¹⁾ и Гротгуса».

Не столько эти увѣщанія, сколько бѣгство и арестованіе Лангевича (открывавшее дорогу всѣмъ необузданнымъ честолюбцамъ къ диктатурѣ) возвратили нѣкоторое спокойствіе душѣ плоцкаго воеводы. Онъ выписалъ изъ Пултуска Хондзынскаго и съ помощію его (т. е. терроромъ) собралъ новый партизанскій отрядъ, уставъ котораго требовалъ всемѣрнаго уклоненія отъ битвъ, основываясь главнѣйшимъ образомъ на «утомленіи непріятели, на переходахъ съ мѣста на мѣсто, по глухимъ дорогамъ, среди трудно-проходимыхъ дебрей и болотъ, причеиъ кавалерія должна растягиваться въ длинную цѣпь и такъ идти лѣсами и полями, потомъ вдругъ, на какомъ нибудь открытомъ мѣстѣ, собраться въ кучу и двигаться далѣе. Тутъ слѣды затаптываются выпущенными изъ окрестностей стадами. Потомъ кавалерія снова растягивается въ цѣпь» ²⁾).

Бой пѣхотныхъ партизанскихъ отрядовъ (еслибъ къ нему принудили обстоятельства) имѣлъ, по новому уставу плоцкаго воеводства, свои исключительные приемы: «выдержавъ незначительную перестрѣлку, пѣхота бросается врасыпную лѣсомъ и потомъ мѣшается съ жителями ближайшихъ деревень, гдѣ каждый солдатъ, одѣтый непремѣнно простымъ хлопкомъ, спѣшитъ чѣмъ-нибудь заняться: рубить дрова, поить лошадей, чистить картофель, такъ что нагрянувшій слѣдомъ непріятели не въ состояніи отличить повстанцевъ отъ обыкновенныхъ жителей, и какъ бы ни былъ опытенъ и расторопенъ, а всетаки часть повстанцевъ уйдетъ отъ преслѣдованія и, по удаленіи непріятели, снова соберется въ банду» ³⁾).

Такія хитрости, придуманныя плоцкимъ повстанскимъ начальствомъ для мѣстнаго удекинерства, это систематическое уклоненіе отъ боя, показывало ясно, до какой степени тамошнія банды были дале-

¹⁾ Новое доказательство, что Бонча и Томашевскій одно и то же лицо.

²⁾ Разказы разныхъ начальниковъ русскихъ отрядовъ плоцкаго воеводства. Гиллеръ говоритъ, что послѣднее польское возстаніе выработало со всѣмъ особыя приемы партизанской войны, до тѣхъ поръ нигдѣ не употреблявшіеся. Главнѣйшимъ образомъ выказываются четыре партизанскихъ маневра: 1) марши и контръ-марши. 2) Распусканіе и собираніе солдатъ (*rozbieganie się i zbieranie żołnierzy*). 3) Способъ фуражировки отрядовъ и устройство почты для сообщенія куда слѣдуетъ всѣхъ движеній непріятели. 4) Лѣсной строй (I, 171 — 172). Лучшимъ сочиненіемъ о народной войнѣ 1863 года Гиллеръ считаетъ брошюру: «*Wojna Ludowa przez X. Y. Z. (Henryk Kaminski), Bendikon, 1866.*»

³⁾ Также разказы нашихъ отрядныхъ начальниковъ въ плоцкомъ воеводствѣ. Польскими источниками подтвердить этого автору не случилось.

ки отъ всякаго энтузіазма и какъ въ нихъ упала дисциплина. Терроръ, собиравшій кое-какъ массы, былъ не въ состояніи вдохнуть въ нихъ мужество. Нельзя, однако же, сказать, чтобы всѣ банды воеводства приняли новыя партизанскіе порядки. Между непринявшими ихъ, была только что оправившаяся, послѣ разбитія подъ деревнею Рыдзево, банда Юрковскаго. Отринувъ всякое преобразование повстанцевъ въ простыхъ мужиковъ, эта банда старалась, напротивъ, на сколько было можно, завести у себя однообразную форменную одежду (темныя чамарки и конфедератки съ орлами) и правильный строй. Передовая часть ея состояла изъ однихъ помѣщиковъ, вооруженныхъ хорошими штуцерами. Во второмъ ряду помѣщались косинеры. Въ третьемъ ряду держалась конница.

Преувеличенные слухи, что «подъ Юрковскимъ состоитъ 5 тысячъ человекъ обученнаго войска», не смутили никого изъ нашихъ отрядныхъ начальниковъ въ воедствѣ: изъ Липна двинута была всего одна рота Муромскаго пѣхотнаго полка и 40 казаковъ, подъ командой штабсъ-капитана Провольскаго. Въ Скемпскихъ лѣсахъ, близъ дер. Козелокъ, онъ атаковалъ банду Юрковскаго, передній рядъ которой (помѣщики, вооруженные штуцерами) выдержалъ четырехъ-часовую горячую перестрѣлку и легъ весь. Сбить косинеровъ и конницу было уже не трудно; они разсѣялись, оставивъ въ нашихъ рукахъ походную церковь, знамя, два фургона съ разнымъ повстанскимъ добромъ и 250 штукъ всякаго оружія. Самъ Юрковскій ускакалъ за границу, со своимъ «адъютантомъ» — уроженкой Познанскаго княжества, Юлією Преѣбишъ¹⁾.

Въ Млавскомъ уѣздѣ явилась тогда же банда Северина Семинскаго, сына извѣстнаго писателя, Луціана Семинскаго. Она еще не кончила своего формировація по дворамъ деревни Коссомина. какъ нашъ плонскій летучій отрядъ, подъ командой полковника Валуева, нагрянулъ туда, 18-го апрѣля ст. ст., и перервалъ повстанскія занятія. Нижніе чины попрятались, или превратились въ обыкновенныхъ жителей, а вожди: Семинскій и два его адъютанта, Витковскій и Ойржановскій, заперлись въ мезонинѣ господскаго дома, взявъ каждый въ руки по штуцеру и рѣшившись защищаться до послѣдняго издыханія, по возможности дорого продать свою жизнь — и продали ее очень дешево. Влетѣвшій въ деревню съ передовыми казаками отчаянный джигитъ юнкеръ Зубовъ, родомъ черкесь, бросился съ однимъ казакомъ прямо въ комнаты, гдѣ засѣли начальники банды, вломился въ двери; три штуцера дали залпъ, пули свистнули

¹⁾ Разказъ штабсъ-капитана Провольскаго и Журналъ Военныхъ дѣйствій. Прибавленіе къ № 19-му, стр. 5—6.

мимо, ничуть не задѣвъ джигита; онъ вынулъ шашку и зарубилъ всѣхъ трехъ оторопѣвшихъ повстанцевъ ¹⁾). Когда подошелъ весь отрядъ, ему осталось только подбирать по дворахъ подозрительныя личности.

Въ другихъ мѣстахъ воеводства дѣла шли не лучше. Воевода, что ни день, получалъ донесенія о пораженіяхъ то здѣсь, то тамъ. Въ это время стало къ нему напрашиваться нѣсколько довольно крупныхъ и исправно вооруженныхъ бандъ изъ-за границы, которыя требовали, однако, чтобы воевода выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу лично. Воевода посылалъ не одинъ разъ вмѣсто себя довѣренныхъ людей, но ни одна банда не перешла границы. Увидѣвъ, наконецъ, необходимость принять въ этомъ дѣлѣ личное участіе, Падлевскій написалъ къ комиссару западной Пруссіи такое письмо:

«Хоть я не разъ былъ обманутъ извѣстіями, что собираются какіе-то отряды въ западной Пруссіи, откуда, вопреки всякому приличію (*wbrew wszelkiéj przyzwoitości*), не вышло еще ни одного человѣка, я всетаки готовъ вѣрить, что не отсутствіе патріотизма, ни чрезмѣрное равнодушіе, или, что еще хуже, недостатокъ храбрости, а просто неисправность распоряженій съ моей стороны тому причиной, — вслѣдствіе чего рѣшаюсь на этотъ разъ удовлетворить твоимъ требованіямъ, гражданинъ: явиться лично съ нѣсколькими десятками людей на указанный ниже пунктъ и въ означенный часъ, предваря однако, что если мы не найдемъ ничего и теперь, и условіе не будетъ соблюдено буквально: это подвергнетъ безъ всякой пользы меня и людей, которыхъ придется взять съ собою, неминуемой опасности. Для сего назначаю время, по вашему желанію, за три дня впередъ, полагаясь вполнѣ на патріотическія чувства новыхъ нашихъ товарищей, которые вѣрно не захотятъ, изъ-за лишней осторожности, предать въ руки наѣзда тѣхъ, кто еще можетъ пригодиться на что-либо отчизнѣ. Со вторника на среду, то есть съ 21-го на 22-е апрѣля, въ одиннадцать часовъ ночи (минута въ минуто), въ Малыхъ Радзикахъ ²⁾). Военный начальникъ плоцкаго воеводства, Сигизмундъ Падлевскій».

Какимъ образомъ отправлялось нѣсколько десятковъ людей, о которыхъ воевода упоминаетъ въ письмѣ къ комиссару западной Пруссіи, это неизвѣстно. Можетъ, ихъ совсѣмъ не было. А самъ воевода и его штабъ выѣхали въ двухъ большихъ коляскахъ: въ одной сидѣлъ Падлевскій, начальникъ его штаба, помѣщикъ Соколовскій ³⁾, и адъютантъ воеводы, Кучборскій. Въ другой — докторъ Лицинскій и бывший офицеръ Полоцкаго полка — Сѣцинскій.

¹⁾ Разсказъ начальника плоцкаго военнаго отдѣла. Солдаты любили Зубова за необычайную храбрость и называли его постоянно «княземъ». — «Что это нашего князя въ офицеры не представляютъ?» — говорили они нерѣдко, а онъ своей черкесской головой никакъ не могъ одолѣть офицерскаго экзамена! Наконецъ, былъ произведенъ въ офицеры, уже при выступленіи казацкой сотни, въ которой числился, на Донъ, имѣя трехъ Георгіевъ.

²⁾ Липновскаго уѣзда. Этотъ пунктъ и прежде былъ избираемъ повстанцами для перехода границы.

³⁾ Владѣтель села Мысликувки, гдѣ помѣщался штабъ Падлевскаго. Н. В.

Всѣ они имѣли «законные виды», дабы, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь отрядомъ, уйти за мирныхъ обывателей. Падлевскій былъ прописанъ Зенономъ Полинскимъ; Кучборскій—Щуровскимъ. Остальные сохранили свои настоящія фамиліи. Неизвѣстно зачѣмъ, при Падлевскомъ находились разныя бумаги, нисколько ненужныя ему въ ту минуту и могшія, при осмотрѣ коляски, его скомпрометировать. Забирая весь этотъ хламъ съ собою, воевода еще разъ доказывалъ, какой онъ плохой и непредусмотрительный повстанецъ. Кромѣ того, воевода приказалъ положить подъ сидѣнье свою воеводскую конфедератку, съ бѣлымъ салтаномъ, дабы можно было, при благопріятныхъ условіяхъ встрѣчи съ заграничною бандою, выѣхать къ ней настоящимъ начальникомъ и услышать соответственное чину «ура».

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Малыхъ Радзикъ, передняя коляска была остановлена казакомъ изъ летучаго отряда, который слѣдовалъ къ фольварку Клещину, на соединеніе съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2-й стрѣлковой роты Муромскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Рутковскаго.

Казакъ спросилъ: «кто ѣдетъ?» Отвѣтъ былъ: «Помѣщики!» Онъ потребовалъ паспорта.

— Намъ некогда,—сказалъ Падлевскій,—возьми вотъ эту сторублевую бумажку и поѣзжай съ Богомъ!

Казака сильно озадачило предложеніе такой суммы, неизвѣстно за что. Дали бы цѣлковый, а тутъ цѣлыхъ сто!.. онъ сейчасъ сообразилъ, что дѣло нездорово, уклонился отъ принятія денегъ и снова потребовалъ паспорта. Помѣщики предложили ему 200, потомъ 300, наконецъ—500 рублей, чтобы только отвязался...

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибъ вдругъ не показался на опушкѣ лѣса казачій офицеръ Годлевскій. Онъ подѣхалъ къ коляскѣ и замѣтилъ ту же минуту смущеніе сидѣвшихъ. Онъ прямо пригласилъ ихъ выйти и приказалъ казаку осмотрѣть коляску. Воеводская конфедератка прежде всего показалась на свѣтъ!

— Это что такое?—спросилъ Годлевскій.

Послѣдовалъ весьма неопредѣленный отвѣтъ...

Роясь далѣе, казакъ нашелъ связку бумагъ и револьверы. Годлевскій, быстро просмотрѣвъ бумаги и видя почти подъ каждою печати жонда и разныхъ повстанскихъ властей, сказалъ помѣщикамъ, что «они арестованы и должны ѣхать за нимъ въ городъ Липно». По прибытіи туда, передалъ всѣ захваченныя при арестованныхъ бумаги мѣстному жандармскому офицеру, который, прочтя кое-что изъ нихъ, сказалъ, что «между арестованными долженъ находиться Падлевскій, или кто-нибудь изъ лицъ, къ нему весьма близкихъ».

На этомъ основаніи, командиръ отряда, занимавшаго Липно, штабсъ-капитанъ Провольскій (тотъ самый, котораго мы видѣли недавно въ бою съ бандой Юрковскаго) вошелъ въ домъ, гдѣ сидѣли арестованные и сейчасъ же узналъ, кто изъ нихъ Падлевскій.

— Кто вы такой?—спросилъ онъ, подойдя къ нему.

— Помѣщикъ Зенонъ Полинскій.

— Полноте, вы вовсе не Зенонъ Полинскій,—возразилъ капитанъ,— я знаю, кто вы.

— Если вы угадаете кто я,—сказалъ Падлевскій,—я запираюсь не стану и признаюсь!

— Вы Падлевскій.

— Такъ точно ¹⁾.

Арестованныхъ перевезли въ Плоцкъ.

Падлевскій, заключенный въ отдѣльномъ казематѣ, зная, конечно, что его ожидаетъ, попросилъ книгъ духовнаго содержанія. Ему послали; кромѣ того, разрѣшили написать къ роднымъ и проститься съ теткой, графиней Потockою, прибывшею въ Плоцкъ, нарочно для этого, издалека. Когда происходило ихъ свиданіе, въ Варшавѣ конфирмованъ смертный приговоръ, о чемъ дано знать начальнику плоцкаго военнаго отдѣла. Но вслѣдъ за тѣмъ, по поводу обѣщанной всѣмъ повстанцамъ амнистіи, если они сложатъ оружіе къ 1-му мая н. ст. ²⁾, велѣно было приостановиться исполненіемъ приговора. 2-го мая были имянины Падлевскаго. Онъ разстрѣлявъ 3-го, причѣмъ разрѣшено, вслѣдствіе убѣдительной его просьбы, не завязывать ему глазъ ³⁾.

Что касается банды, которую Падлевскій долженъ былъ встрѣтить на границѣ, она явилась у Малыхъ Радзикъ, въ назначенный день и часъ, и вскорѣ затѣмъ была разбита на-голову поручикомъ Муромскаго пѣхотнаго полка Поляковымъ, близъ деревни Нетршеба, Липновскаго уѣзда. Часть нашей военной добычи состояла при этомъ изъ 96-ти хорошихъ прусскихъ штуцеровъ.

Въ одной корреспонденціи «Часа» 1863 г., № 97, сказано, что это была банда какого-то Генриха Ловинскаго.

Смерть воеводы на время парализовала военныя дѣйствія въ воеводствѣ. Все тамъ притихло.

Взглянемъ на сосѣдную губернію, самый крайній, сѣверо-восточный уголь Царства, узкую полосу земли, между Пруссіей и Литвой,

¹⁾ Разсказъ Провольскаго и другихъ офицеровъ плоцкаго отдѣла.

²⁾ См. Dziennik Powszechny 1863 г., № 83. Особое прибавленіе отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1863 г.

³⁾ Разсказъ начальника плоцкаго военнаго отдѣла.

отброшенную далеко отъ центра и наполненную пестрымъ населеніемъ, гдѣ, между прочимъ, есть и русскіе старообрядцы.

Отъ соединенія всѣхъ этихъ причинъ здѣсь всегда было менѣе расположенія сочинять возстаніе, чѣмъ во всѣхъ другихъ пунктахъ Царства. Жители Августовской губерніи съ давнихъ поръ жили съ русскими довольно дружно и имѣли съ ними общеніе. Въ большихъ городахъ, особенно въ Сувалкахъ, устраивались по праздникамъ взаимныя сходки, на которыхъ поляки и русскіе представляли одну непринужденно веселящуюся массу.

Поэтому агитаторамъ стоило немалого труда поселить антагонизмъ между двумя главными элементами населенія Августовской губерніи. Русскіе стали замѣчать нѣкоторое охлажденіе къ себѣ поляковъ только съ 1861 года. Польскія дамы Сувалокъ и другихъ городовъ покрупнѣе перестали показываться на русскихъ балахъ и вечерахъ ¹⁾. Сперва на это никто не обращалъ вниманія, но когда въ новомъ 1861 году, на обычномъ у русскихъ праздникѣ Сырной недѣли, въ Сувалкахъ, никто изъ поляковъ не явился,—рѣшено, что тутъ что-то кроется, что это—демонстрація, умысленный разрывъ съ русскими.

По полученіи изъ Варшавы извѣстія о паденіи пяти жертвъ, каедральный костель въ Сувалкахъ стоялъ открытымъ—въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съ утра до ночи, въ противность постановленіямъ церкви и обычаямъ, и народъ валилъ туда толпами, даже евреи, преклониться предъ катафалкомъ, воздвигнутымъ для этого нарочно, а 22-го марта н. ст. отслужена была тамъ, съ разрѣшенія губернатора Ферзена, торжественная панихида, во время которой пѣлись революціонные гимны. Тутъ въ первый разъ грянуло въ Сувалкахъ *Boże coś Polskę* и произошелъ, въ каедральномъ соборѣ, сборъ денегъ и разныхъ драгоценныхъ вещей. Одинъ эмеритъ, ветеранъ 1830 года, Шатинскій, снялъ съ себя ордена и положилъ ихъ на «алтарь отечества»—на ołtarz ojczyzny. Это произвело сильный эффектъ. Имя Шатинскаго пролетѣло по всѣмъ устамъ.

Вслѣдъ за панихидой наложенъ былъ неизвѣстными властями на всѣхъ жителей Сувалокъ трауръ. Въ улицахъ показались національныя платья. Полиція, явная и тайная, состоявшая изъ однихъ поляковъ, ни во что не мѣшалась.

Къ веснѣ 1861 года злоупотребленіе трауромъ, гимнами и національною одеждой дошло въ Сувалкахъ до того, что жандармы написали обо всемъ этомъ въ Варшаву и оттуда пришло приказаніе «вос-

¹⁾ Все это составлено на основаніи рассказовъ кое-кого изъ русскихъ жителей Сувалокъ въ 1865 г. и требуетъ повѣрки. Н. В.

претить ношеніе польскихъ кунтушей, чамарокъ и т. п., а также траурныхъ платьевъ и революціонныхъ знаковъ». Мѣры, принятыя вслѣдствіе этого полиціею, произвели волненіе. Молодежь собралась въ городскомъ саду, шумѣла, произносила разныя угрозы и пѣла гимны. Комендантъ города, полковникъ Кобро, арестовалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ и посадилъ на гауптвахту. Толпы бросились къ губернатору и убѣдили его идти съ ними на гауптвахту для освобожденія незаконно арестованныхъ жителей. Это было торжественное, демонстраціозное шествіе огромной массы всевозможныхъ сословій города, даже и разряженныхъ дамъ высшаго сословія. Арестованные были освобождены, среди громкихъ криковъ удовольствія и ругательства, направленныхъ противъ часовыхъ и караульнаго офицера. Послѣдній былъ просто-за-просто оплеванъ ¹⁾). Комендантъ счелъ нужнымъ донести обо всемъ случившемся прямо въ Петербургъ, вслѣдствіе чего былъ назначенъ въ Августовскую губернію особый военный начальникъ, генералъ-лейтенантъ Рудановскій, который получилъ приказаніе заняться разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ фактовъ и принять мѣры къ предотвращенію всего подобнаго на будущее время. Онъ повернулъ дѣла круто. Пострадавшіе отъ его энергическихъ распоряженій люди нашли защиту въ маркизѣ Велепольскомъ. Рудановскій получилъ сперва замѣчаніе, а потомъ (когда значеніе Велепольскаго усилилось) былъ вовсе отозванъ и на его мѣсто посланъ полковникъ баронъ Радень.

Демонстраціи въ Сувалкахъ вошли опять въ моду. Въ особеннoсти послужила къ устройству крупной демонстраціи смерть Шатинскаго: нѣсколько молодыхъ людей, въ богатыхъ кунтушахъ и конфедераткахъ, несли его гробъ на плечахъ до самаго кладбища и пѣли гимны. Вслѣдъ за ними шель формально цѣлый городъ.

Лѣтомъ 1861 г. начались съѣзды помѣщиковъ по разнымъ хуторамъ. Маріампольскій уѣздъ устроилъ уже извѣстную читателю демонстрацію на Алексотскомъ мосту, въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей ²⁾).

Въ 1862 году пошли видимыя приготовленія всѣхъ жителей Августовской губерніи къ чему-то недоброму. Собирались деньги и всякія другія пожертвованія по домамъ довольно открыто. Полиція знала это. Наряжено было слѣдствіе, для открытія коноводовъ и поджигателей, но, какъ всѣ тогдашнія слѣдствія, оно не привело ни

¹⁾ Разсказъ коменданта Кобро, который увѣрялъ автора, что видѣлъ все это собственными глазами.

²⁾ Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 329—332. Н. В.

къ чему. Между тѣмъ агитаторовъ называли по именамъ. Болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе арендаторъ казеннаго фольварка Бирсна-Велька, Карль Ястршембскій, когда-то, въ 1820-хъ годахъ, офицеръ 1.-гв. Московскаго полка; сосланный за какія-то шалости на Кавказъ, потомъ прощенный за отличіе въ войнахъ съ турками и персіянами, и воротившійся въ край въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Кромѣ его, указывали еще, какъ на агитаторовъ, на помѣщиковъ: Аккорда, Абламовича, Люце, Иосифа Петровскаго....

Но въ общемъ результатъ всѣхъ подземныхъ работъ и демонстрацій, устраиваемыхъ крайнею партіей августовскаго воеводства, выходило то же, что и въ сосѣднемъ, плочкомъ воеводствѣ, передъ появленіемъ тамъ Хондзынскаго, даже еще хуже: бѣлая партія парализовала всякія распоряженія красныхъ до такой степени, что къ концу 1862 года нигдѣ въ августовскомъ воеводствѣ не образовалось ничего похожаго на банду. Вслѣдствіе этого, красные, для поднятія духа въ народѣ, рѣшили воздвигнуть въ Сувалкахъ статую св. Ядвиги, благословляющей поляковъ на брань,—подобно тому, какъ благословляла королева Ядвига сына своего Генриха,—но прикрыть эту Ядвигу именемъ «Богоматери».

Статуя была сдѣлана какимъ-то хорошимъ художникомъ въ Варшавѣ, равно тамъ же высѣчены четыре барельефа для пьедестала: одинъ представлялъ королеву Ядвигу, въ той же позѣ и одеждѣ, какъ и самая статуя—и передъ нею на колѣняхъ сына ея, Генриха. Другой—св. Иосафата, съ топоромъ въ головѣ. Третій—Андрея Боболю, такъ называемаго пинскаго апостола, убитаго казаками близъ Янова, 17-го мая 1657 года, и причисленнаго къ числу мучениковъ за вѣру декретомъ папы Бенедикта XIV, а папа Пій IX разрѣшилъ городу Пинску и вообще ордену іезуитовъ праздновать день этого святаго 23-го мая. Четвертый барельефъ изображалъ св. Казимира.

Все это было привезено въ Сувалки варшавскимъ каменщикомъ, Доминикомъ Красускимъ, игравшимъ роль скульптора. Онъ же долженъ былъ и поставить статую на указанномъ мѣстѣ. Такъ какъ препятствія со стороны мѣстнаго начальства (новаго губернатора Корытковскаго, военнаго начальника барона Радена и жандармскаго офицера, полковника Зигмунтовскаго) не было, то работы начались немедленно, именно 11-го ноября стар. ст. 1862 г. Корытковскій, помогая всячески сбору денегъ на статую, умѣлъ взять даже у военнаго начальника 5 рублей и 6 рублей у Зигмунтовскаго ¹⁾. Но городской совѣтъ, состоявшій изъ бѣлыхъ, которые не хотѣли возста-

¹⁾ Изъ официальныхъ документовъ города Сувалокъ..

Н. В.

ніа, объяснилъ все дѣло военному начальнику—какая такая статуя воздвигается, и онъ остановилъ работы 13-го ноября стар. ст. Тогда Корытковскій послалъ жалобу Веленпольскому, въ которой изложилъ подробно ходъ всего дѣла, сообщая, что «тотъ же самый военный начальникъ разрѣшилъ поставить статую и далъ на нее 5 рублей своихъ денегъ; городъ понесъ вслѣдствіе этого значительныя издержки: выписалъ изъ Варшавы скульптора и работниковъ, статуя изваяна, поставленъ пьедесталъ—и вдругъ, неизвѣстно почему, приказано прекратить работы». Къ жалобѣ своей Корытковскій приложилъ рисунокъ статуи, совсѣмъ не въ томъ видѣ и не съ тѣмъ расположеніемъ рукъ, какъ было на дѣлѣ, а какъ обыкновенно изображаютъ Богоматерь. Барельефовъ же притомъ не послалъ вовсе. Постановка статуи разрѣшена и она была воздвигнута въ Сувалкахъ, около городского сада, при огромномъ стеченіи народа, и стоитъ до сихъ поръ, только барельефы вынуты, по приказанію намѣстника Берга, въ 1865 году ¹⁾.

Но и сооруженіе статуи не подвинуло впередъ дѣло возстанія въ Августовской губерніи. Съѣзды помѣщиковъ передъ самымъ взрывомъ кончились ничѣмъ. Много было шуму; разсматривались списки присягнувшихъ, даже собирались на что-то деньги, а ночь съ 10-го на 11-е января стар. ст. 1863 г. прошла для всего воеводства совершенно спокойно: нигдѣ не звякнула ни одна коса, не прогремѣлъ ни одинъ выстрѣлъ! Это взорвало красныхъ. Они устроили общій помѣщичій съѣздъ въ деревнѣ Антоновѣ, 18-го января стар. ст.—и тутъ, съ револьверами въ рукахъ, вынудили у равнодушныхъ помѣщиковъ помощь офицерами и всѣмъ необходимымъ для того, чтобы явилась хотя какая либо банда: она явилась, эта первая банда августовскаго воеводства—и стала подъ команду того Ястршембскаго, о которомъ было упомянуто выше, но существовала недолго: противъ нея былъ высланъ изъ Ковна, по распоряженію начальника 1-й кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенанта Лихачева, отрядъ Павлоградскихъ гусаръ, который настигъ банду Ястршембскаго подъ мѣстечкомъ Чистой-Будой, 25-го января стар. ст., и разбилъ ее на-голову. Самъ Ястршембскій былъ изрубленъ въ куски. Остатки его банды собралъ какой-то учитель Маріампольскаго уѣзда, Мирецкій, и увелъ въ Пренскіе лѣса, находящіеся въ восточной части сказаннаго уѣзда.

¹⁾ Офіціальныя источники. Авторъ видѣлъ въ Сувалкахъ все подлинное дѣло о статуѣ и тотъ самый рисунокъ, который былъ отправленъ Корытковскимъ въ Варшаву и утвержденъ намѣстникомъ. Барельефы тогда еще находились на мѣстѣ, и съ нихъ авторъ слѣлалъ свое описаніе, при помощи мѣстнаго духовенства.

Вскорѣ явилось еще нѣсколько бандъ. Всѣ онѣ имѣли незначи- тельныя столкновенія съ нашими отрядами, если не было никакой, возможности уйти; не то—укрывались въ лѣсной чащѣ, или переби- рались на другую сторону первой лежавшей на дорогѣ рѣчки и уничтожали за собою средства переправы.

19-го марта ст. стилиа, летучій отрядъ есаула Матвѣева, изъ одной роты Софійскаго пѣх. полка, 66 казаковъ и 15 объѣздчиковъ, по- сланный изъ Ломжи въ направленіи къ м. Ставискамъ ¹⁾, встрѣтилъ, при мызѣ Балашовой, довольно большую банду (человѣкъ въ тыся- чу. начальникъ неизвѣстенъ), которая сама открыла по нашимъ вой- скамъ огонь, продолжавшійся около часу. Послѣ этого есауль Мат- вѣевъ атаковалъ мызу и выбилъ оттуда повстанцевъ. Часть ихъ бѣжа- ла въ ближайшій лѣсъ и разсѣялась по немъ, а другая часть погиб- ла, отчаянно защищаясь въ строеніяхъ.

Вслѣдъ за этимъ двинулся отрядъ изъ мѣст. Щучина, въ 243 че- ловѣка Симбирскаго пѣх. полка, сотню казаковъ и 150 пѣшихъ ниж- нихъ чиновъ пограничной стражи Вержболовской бригады, подъ на- чальствомъ майора Девеля, съ цѣлію розыскать всю банду, съ кото- рою бился есауль Матвѣевъ, и, если можно, истребить ее. 21-го марта ст. стилиа онъ переправился у дер. Оссовца ²⁾ черезъ Бебржъ, и въ то же время послалъ часть казаковъ, по правому берегу рѣки, къ мѣст. Ты- коцину ³⁾, куда банда тянулась лѣвымъ берегомъ: это заставило ее повернуть внезапно къ востоку, на дер. Макки. Но майоръ Девель и здѣсь попалъ на ея слѣды и гналъ повстанцевъ въ теченіе десяти часовъ, черезъ дер. Яшвилъ-Велькій и Яшвилъ-Малый до Микичина, въ Гродненской губерніи, причемъ до 60 человѣкъ преслѣдуемыхъ по- тонуло въ болотахъ, а остальные ушли въ Микичинскій лѣсъ. Будучи оттуда выбиты, они разсѣялись въ разныя стороны близъ дер. Язвиги. Всего убитыхъ и потонувшихъ повстанцевъ, при этомъ преслѣдованіи, насчитываютъ до полутораста, и до 10-ти раненныхъ. Въ плѣнъ взято 5 человѣкъ. У насъ оказалось только двое раненныхъ.

Остатки бандъ, съ неизвѣстнымъ предводителемъ, собравшись потомъ въ лѣсу у дер. Язвиги, снова перешли въ Августовскую губернію и скры- лись въ лѣсахъ около дер. Штабина, въ числѣ, какъ говорили, до 300 человѣкъ. Кромѣ того, посланный изъ Ковно въ Маріампольскій уѣздъ Августовской губерніи отрядъ въ 40 стрѣлковъ баталіона Император- ской фамилии, двѣ роты Копорскаго, одинъ взводъ Невскаго пѣх. пол-

¹⁾ 21 верста отъ Ломжи на сѣверъ.

²⁾ На югъ Августовскаго уѣзда, на самой границѣ Гродненской губерніи.

³⁾ Въ восточной части Ломжинскаго уѣзда, тоже на границѣ Гродненской губерніи, въ 28-ми верстахъ отъ Бѣлостока.

ковъ и 120 человекъ пограничной стражи, подъ начальствомъ подполковника Карпова, настигъ, въ лѣсахъ Полигвайде, банду Андрушкевича (о которомъ говорили, будто бы онъ командуетъ всѣми главными силами воеводства) и разбилъ ее на-голову, причемъ погибъ и самъ Андрушкевичъ и взятъ въ плѣнъ бывшій начальникъ Гродненской станціи, капитанъ Кульчицкій, извѣстный читателямъ по дѣйствіямъ своимъ, 7-го апрѣля 1861 года, въ Варшавѣ ¹⁾). Отбито знамя, 80 ружей, много холоднаго оружія и обозъ. Съ нашей стороны убито двое, ранено 10.

Послѣ этого принялъ начальство надъ всѣми военными силами воеводства ветеранъ польскихъ войскъ, Константинъ Рамотовскій, который, въ чинѣ поручика 4-го пѣхотнаго полка, отличился въ Гроховской битвѣ (25-го февраля 1831), подъ корчмою Ваверъ, въ 10-ти верстахъ отъ Варшавы, по люблинской дорогѣ, и за это прозванъ солдатами Ваверъ (Wawer, Wawerek). По уходѣ польскихъ войскъ за границу, Ваверъ-Рамотовскій служилъ въ Алжирѣ, женился на французенкѣ, постарѣлъ, посѣдѣлъ.... и вдругъ его унесло, какими-то вѣтрами, въ Августовскую губернію, на границѣ которой, въ Россіенскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи, жилъ у него родной братъ, добродушный кутила, любившій до смерти угощать и угощаться. Тутъ Вавера подбили разные красные воеводства сдѣлаться воеводой. Онъ согласился, но, сообразивъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, счелъ за лучшее, какъ старшій, опытный вояка, уходить отъ нашихъ отрядовъ, а не биться съ ними, и дѣйствительно умѣлъ это сдѣлать какъ никто. Не смотря, однакоже, на такое искусство, банды Вавера были настигнуты, 10-го апрѣля ст. ст., подъ дер. Колеты, Сейненскаго уѣзда, отрядомъ изъ 110 стрѣлковъ Симбирскаго пѣх. полка и 70 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Артемьева, который прибылъ изъ Сейнъ на подводахъ и гналъ Вавера по лѣсамъ цѣлыхъ десять дней, послѣ чего опять возвратился въ Сейны.

Понесшій во время этого преслѣдованія сильный уронъ, Ваверъ нашелъ болѣе для себя выгоднымъ перебраться въ сосѣднее, плоцкое воеводство, гдѣ мы съ нимъ еще встрѣтимся.

¹⁾ Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 297. Какъ начальникъ Гродненской станціи, К у л ь ч и ц к і й помогъ центральному комитету, въ концѣ 1862, устроить въ Лапахъ, при машинномъ отдѣленіи, особую мастерскую для отбивки костей, ножей и наконечниковъ для пикъ, а позже подготовилъ рабочихъ снарядить особый поѣздъ и, забравъ разныя орудія, ушелъ съ этимъ поѣздомъ въ лѣсъ, гдѣ соединился съ Андрушкевичемъ. Н. В.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВЪ Ш-Ѣ.

Письма къ Падлевскому изъ жонда.

I.

(Отъ Бобровскаго).

[Съ польскаго]. Ночью, съ 6-го на 7-е марта 1863 года.—Варшава.

Милый мой и дорогой Сигизмундъ! Пишу къ тебѣ спокойнѣе, чѣмъ когда нибудь послѣ роковаго набора и нашей невольной разлуки. Горизонтъ нашъ проясняется и, кажется, дѣла теперь пойдутъ лучше. Комбинація съ Мирославскимъ, столь гибельная для возстанія и будущности края, должна, по видимому, пасть. Черезъ двадцать пять часовъ буду въ состояніи написать тебѣ объ этомъ рѣшительнѣе, а покажѣть только упреждаю и слѣшу рассказать, какъ именно все это произошло.

Панъ Людвигъ, прибывши въ край, не умѣлъ воспользоваться впечатлѣніемъ, какое имя его произвело въ первыя минуты. Всякій человекъ, хотя бы еще больше ославленный и упавшій въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ онъ, долженъ, конечно, возбудить своимъ появленіемъ разные толки, надежды и опасенія, которые можетъ направить такъ или иначе, для достиженія своихъ цѣлей. Въмѣсто этого, въ краткой, трехъ-дневной кампаніи, панъ Людвигъ обнаружилъ всѣ недостатки, его характеризующіе. Вслѣдствіе фанаберіи, что управится съ москалями одинъ, онъ остался въ Кршивосондскомъ паркѣ, съ восьмидесятью человекъми, вмѣсто того, чтобы соединиться съ отрядомъ Меленцака, стоявшимъ оттуда въ нѣсколькихъ миляхъ и заключавшимъ въ себѣ 500 человекъ, которые уже бились подъ Избицей и вышли изъ первыхъ стычекъ цѣлыми и съ полною вѣрой въ своего вождя, храбраго Меленцака. Будучи атакованъ въ паркѣ, Мирославскій потерялъ, въ безтолковомъ, ненужномъ бою, много людей, ввѣрившихъ ему свою судьбу. Между прочимъ пали: капитанъ Цѣлинскій—убить пулей въ лобъ; Бускій—изъ итальянской арміи; ранены: Балобржескій и Ѳедоръ Вржещъ. Оба послѣдніе—въ рукахъ неприятеля, во Влоцлавѣ. Такъ глупо потерять 43 человекъ, которые могли бы, въ другихъ условіяхъ, принести отечеству гораздо больше пользы своею жизнью или смертью! Впрочемъ, надо сказать правду: онъ самъ бросался въ первый огонь, но отъ главнаго вождя требуется больше, чѣмъ личное мужество. Куржяна во время всей битвы оставался тѣмъ, чѣмъ онъ бываетъ всегда и вездѣ, высшимъ характеромъ, который умѣетъ найтись во всякую минуту, при какомъ угодно положеніи: сѣлъ на коня и безоружный стоялъ подъ градомъ пуль, съ тою никогда неизмѣняющеюся физиономіею, которую ты знаешь и которая тебя такъ раздражала.

На другой день генералъ былъ разжалованъ отрядомъ Меленцака, который подошелъ и самъ принялъ начальство. Тутъ произошла политическая драма, въ перемежку съ кровавыми схватками (подъ Троянками и далѣе); подробности пока неизвѣстны; знаю только, что подъ конецъ отрядъ вышелъ изъ повиновенія Мирославскаго; даже не дали ему эскорта до прусской границы. Въ сопровожденіи всего пяти человекъ, которые остались ему вѣрными въ горькой его судьбинѣ до послѣдней минуты, генералъ скрылся куда-то и нѣкоторое время никто не зналъ, что съ нимъ случилось, потому что онъ не только не сообщилъ ничего временному правительству о своихъ планахъ, но даже не прислалъ своего адреса.

Временное правительство, выѣзжавшее на встрѣчу генерала къ самой границѣ, получивъ извѣстіе обо всемъ случившемся, не рѣшилось пускаться въ

дальнѣйшія странствія, бесплодность которыхъ легко можно было себѣ вообразить, и воротилось въ Варшаву. Всѣ мы, хотя съ прискорбіемъ въ сердцахъ и зловѣщими предчувствіями, однако же съ подобающимъ смиреніемъ, приняли диктатуру Мирославскаго; но послѣ совершившихся событій я счелъ себя въ обязанности поставить на видъ временному правительству, что нельзя бросать край на жертву всякихъ случайностей; что никто не въ правѣ законтраговать кому-либо Польшу; что генералъ уже не можетъ служить нашему дѣлу однимъ обаяніемъ своего имени, а потому необходимо дать ему знать, что если онъ не вернется въ Царство и не приметъ начальства, то потеряетъ на него всякое право. Мои представленія были уважены и рѣшено, что если панъ Людвигъ не явится до 8-го марта, съ вѣдома временнаго правительства, во главѣ какого-либо отряда въ возставшей Польшѣ, то заключенныя съ нимъ черезчуръ поспѣшно условія для временнаго правительства уже не обязательны. Донынѣ временное правительство никакого увѣдомленія отъ него не получило. Извѣстно только частнымъ путемъ, что онъ находится въ Краковѣ, но думаю, что нѣтъ никакихъ шансовъ ожидать его въ край къ 8-му марта, а потому, по всѣмъ вѣроятностямъ, мѣсто, ему предназначенное, скоро будетъ вакантнымъ.

Временное правительство, удаливъ ксендза Карла ¹⁾ (который оказался пустымъ сплетникомъ и человѣкомъ крайне самолюбивымъ) и выбравъ двухъ новыхъ членовъ (что случилось сегодня), стало крѣпче и приобрѣло кое-какія опоры для будущихъ своихъ дѣйствій. Я склонилъ его завязать сношенія съ нѣсколькими политическими лицами, для подготовленія комбинаціи, могущей привести къ образованію прочнаго и явнаго народнаго правительства. Съ этою цѣлью выѣзжаетъ завтра агентъ въ Краковъ и Познань. Съ другой стороны, отправляю завтра же двухъ курьеровъ отъ себя къ Высоцкому и Лангевичу, чтобы объяснить имъ настоящее политическое положеніе дѣла въ Варшавѣ, и вмѣстѣ соблюсти гармонію въ маневрахъ нашихъ военныхъ знаменитостей, сколько въ видахъ противодѣйствія интригамъ реакціи, столько же и натиску анархіи. Надѣюсь укрѣпиться надлежащимъ образомъ, чтобы снова не пустить въ лотерею судьбу нашего отечества.

Что касается дирекціи ²⁾, она не могла имѣть на возстаніе никакого вліянія, покажеть держалась въ сторонѣ, но теперь предлагаетъ помощь; придется съ нею торговаться. Эта перемѣна въ образѣ ихъ мыслей произошла вслѣдствіе дипломатическихъ извѣстій изъ Ламберта ³⁾, откуда написали, что настроеніе западныхъ губерній ⁴⁾, какъ равно и Австріи, въ отношеніи къ намъ ⁵⁾ вполне хорошо и что весьма можетъ случиться, что эти державы облегчатъ намъ доставку оружія, доселѣ крайне трудную; что поэтому нужно поддерживать насъ всѣми силами. Кромѣ того, самолюбіе шляхты раздражено выраженіемъ Русселя, что «помѣщики противъ движенія». Подъ вліяніемъ розовыхъ предвѣщаній Запада, бросились теперь всячески помогать. Конечно, нужно принять эту помощь; отталкивать нельзя и глупо; только слѣдуетъ вести себя

¹⁾ Микошевскій.

²⁾ Партія Бѣлыхъ; бѣлый жондъ.

³⁾ Hôtel Lambert—палацъ Чарторыскихъ въ Парижѣ.

⁴⁾ «Gub. Zachodnich», кажется, *larsus linguae*. По всѣмъ вѣроятностямъ, Бобровскій хотѣлъ сказать: «Западныхъ державъ», Англіи и Франціи? Дальше говорить: Те mocarstwa (эти державы).

⁵⁾ «Къ намъ» значить тутъ: «къ красной партіи».

осторожно, потому что, по мѣрѣ ихъ содѣйствія, будутъ увеличиваться также и требованія ихъ. Много нужно ловкости и знанія вещей.

Въ прошломъ письмѣ я предлагалъ тебѣ, послѣ перваго удачнаго дѣла, воротиться въ Варшаву; теперь же, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, я другаго мнѣнія. Въ лагерь—вотъ гдѣ нынѣ почіеть политическое будущее, наиболѣе прочное, каждаго человѣка и людей съ талантами. Всякій успѣхъ твой на полѣ битвы зарубится въ памяти народа, а твой другъ, всегда одинъ и тотъ же, неизмѣнный, постарается, чтобы зарубилось поглубже. Нѣсколько удачныхъ схватокъ, немножко административнаго толку—*et ta fortune est faite*. Сообрази только, какъ мало нужно, чтобы забрать въ руки толпу: сама лѣзетъ! Сообрази это—и увидишь, что я правъ.

Я молчалъ тогда, когда ничего не могъ сказать; когда ничего не было, кромѣ горечи и желчи; но теперь спѣшу подѣлиться съ тобою первымъ лучомъ лучшей будущности. Вѣрь мнѣ: я умѣю быть вѣрнымъ до конца и мое «à la vie ou à la mort»—не пустыя слова. Обо всемъ, что тутъ случится, буду извѣщать тебя подробно, развѣ только горизонтъ опять, паче чаянія, покроется тучами и всѣ силы придется устремить къ тому, чтобы небо прояснѣло. До свиданія, мой милый, не звать! Ты—на полѣ битвы, а я—политики не должны забывать объ этомъ! Твой навсегда Степанъ Б.

Эдуарда обнимаю отъ всего сердца и благодарю его за выраженія дружбы, которыя посылаетъ мнѣ въ письмѣ. Несчастная гальванопластика разошлась съ тобою ¹⁾. Пришлю тебѣ другую. Всѣ твои письма посылай прямо ко мнѣ.

Степанъ.

II.

(Отъ Бобровскаго).

[Съ польскаго]. Ночью, съ 13-го на 14-е марта 1863 года.—Варшава.

Милый мой Сигизмундъ! Вслѣдъ за послѣднимъ моимъ письмомъ совершилось весьма важное событіе, именно: диктатура генерала Лангевича. Этого факта былъ послѣдствіемъ слабости жонда и прибытія Мирославскаго въ Бракъ, съ цѣлью принять начальство, въ званіи диктатора, надъ краковскими отрядами. Стоя во главѣ дружинъ, еще неостывшихъ послѣ Сташова, Мало-гоща и Скалы, Лангевичъ не хотѣлъ, а можетъ быть, и не долженъ былъ отдавать въ руки генерала Людвигъ судьбу своего войска и Польши. Упреждая затѣмъ прибытіе Мирославскаго, онъ, 10-го марта, въ лагерьъ подъ Гоцей, огласилъ себя диктаторомъ. Въ манифестѣ къ народу польскому объявляетъ, что «онъ принялъ диктатуру только по соглашенію съ временнымъ правительствомъ и вслѣдствіе этого наслѣдуетъ его политику». Этого манифеста вчера прибылъ въ Варшаву. Въ первую минуту жондъ остолбѣлъ, а я дрожалъ отъ страха, думая—какъ-то Варшава отнесется къ этому событію? Было отъ чего схватить лихорадку: еслибъ и эта комбинація не имѣла успѣха, попираемая народомъ диктатура валялась бы у его ногъ и ужъ никто бы не нагнулся, чтобы ее поднять. Жондъ по необходимости тотчасъ же призналъ его, потому что другой дороги не было, какъ признаніе или лишеніе всѣхъ правъ. Последнее было невозможно въ отношеніи къ единственному доселѣ человѣку, который съумѣлъ схватить на лету и организовать повстанскія начала въ самыхъ большихъ массахъ. Догорающая дирекція, ища себѣ приличнаго вы-

¹⁾ «Galwanoplastyka nieszczęśliwa wzminęła się z Tobą, dostarczę Ci inną».

Н. Е.

хода, объявила, что въ виду явной диктатуры не находитъ нужнымъ продолжать свое существованіе далѣе—и закрывается. Банкрты предложили заемъ и сегодня начались объ этомъ переговоры. Всѣ; за исключеніемъ сторонниковъ, à tout prix, генерала Мирославскаго, приняли извѣстіе о диктатурѣ Лангевича съ неописаннымъ восторгомъ. Даже и записные мирославчики признаютъ фактъ совершившимся безноворотно. Одинъ изъ нихъ, старый личный другъ пана Людвигъ, съ понятною впрочемъ горечью, нилъ сегодня вмѣстѣ со мною здоровье диктатора. Я вздохнулъ свободнѣе. По всѣмъ вѣроятностямъ, эта диктатура не останется только на бумагѣ, ибо Лангевичъ сталъ правственнымъ диктаторомъ края. Завтра утромъ отправляется къ нему депутація бывшаго народнаго правительства, для окончательнаго закрѣпленія факта и вмѣстѣ для охраненія возстанія отъ всякихъ подходовъ реакціи, которая, безъ сомнѣнія, не упуститъ ничего, чтобы овладѣть особой диктатора. Отъ него покаместъ нѣтъ еще нарочнаго курьера, но слухи носятъ, что генералъ Высоцкій сдѣланъ военнымъ министромъ, а Бентковскій (который на зовъ возстанія явился въ воинскихъ рядахъ)—начальникомъ штаба. Мы съ тобою, подавивъ личныя убѣжденія, а ты даже — и прошлыя обиды, приняли когда-то, въ видахъ торжества революціонной правды, диктатуру пана Людвигъ; теперь еще поспѣшнѣ должны мы броситься на встрѣчу комбинаціи, вручающей кормило правленія челоуѣку молодому, крѣпкому, противъ котораго не возстаетъ покаместъ никто и который имѣетъ за собою шестинедѣльную энергическую борьбу, съ именами Сташова, Малогища и Скалы.

Конечно, тебѣ лично, можетъ быть, и горько, что ты не сравнялся до сихъ поръ со старымъ товарищемъ; но передъ тобою—открытое поле, а наше возстаніе продержится еще долго и—кто знаетъ, когда и вѣкъ завершится. Въ настоящую минуту тебѣ не остается ничего больше, какъ огласить немедленно, въ своемъ отрядѣ, Лангевича диктаторомъ и биться такъ же храбро, какъ подъ Мышвицею. Всѣ говорить о твоемъ мужествѣ, о которомъ я узналъ со стороны, изъ общаго говора, а никакъ не изъ твоего рапорта. Помни, что я всегда въ твоемъ распоряженіи: высказывай мнѣ твои планы и желанія съ полною откровенностью. Спасибо за вѣсколько словъ: они дороже для меня всякихъ другихъ, потому что писаны послѣ тяжкихъ трудовъ и крещенія въ огнѣ битвы. Обнимаю тысячу разъ. Твой всегда, Степанъ.

Что будетъ со мною, не знаю; напишу тотчасъ послѣ перваго приказа диктатора.

III.

(Отъ одного изъ членовъ жонда).

[Съ польскаго].

Варшава.—27-го марта 1863 г.

Милый Сигизмундъ! Письмо твое не застало Степана и хоть я его не читалъ, всетаки знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ ты ожидаешь вѣстей отъ насъ, а потому пишу вѣсколько словъ для объясненія тебѣ положенія дѣлъ.

По возвращеніи моемъ, отправились мы искать диктатора подъ Новой Вѣсью¹⁾, но не нашли его тамъ; а вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о счастливыхъ стычкахъ Лангевича, въ особенности о крайне рискованномъ дѣлѣ подъ Скалой; въ концѣ же грянула какъ громъ диктатура 10-го марта. Мы не могли понять, что такое сдѣлалось. Мало-по-малу все объяснилось. Подъ паноромъ,

¹⁾ Разумѣеть поѣздку на встрѣчу Мирославскаго.

съ одной стороны, присутствія Мирославскаго въ Краковѣ, а съ другой стороны—попавши въ сѣти гнусныхъ интригъ, да имѣя, какъ-кажется, и самъ охоту властвовать единодержавно, Лангевичъ принялъ диктатуру, нисколько не оглядываясь на послѣдствія и не имѣя на будущее время никакого политическаго и военнаго плана. Временное правительство, боясь анархїи и не желая позорить новаго диктатора, не смотря на поддѣлку соглашенія, признало Маріана и выслало ту же минуту уполномоченныхъ вырвать его изъ рукъ страшнѣйшей реакціи, которая хотѣла имъ овладѣть. Между тѣмъ онъ, послѣ побѣдоносныхъ схватокъ подъ Загоржемъ и Гроховисками, собралъ военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено возвратиться къ партизанскому образу дѣйствій. Потомъ раздѣлилъ свою армію на отряды, а самъ со штабомъ (Бентковскій, Езеранскій, Валигурскій и еще двое или трое), ничего не объявивъ войскамъ, отправился, подъ эскортомъ 30-ти человекъ, въ Галицію, съ дѣлюю, какъ кажется, пробраться въ люблинское воеводство. Но это не удалось. Будучи узнавъ на границѣ, или вслѣдствіе измѣны, былъ арестованъ и отправленъ въ Тарновъ, Львовъ и, наконецъ, въ Краковъ; а какъ теперь говорятъ: перевезенъ въ Вѣну. Непонятный шагъ. Послѣдствія диктатуры и ея унадка были для насъ губельны. Сдѣланы двѣ недѣли ничего не дѣлалось. Здѣсь руки были связаны, а тамъ сплани въ власти — на воздухѣ развѣ. Войско, по отъѣздѣ Лангевича, рѣшительно ничего не зная (такъ какъ дневной приказъ былъ прочитанъ послѣ), пришло въ разстройство и крикнуло: «измѣна!» а потомъ, преслѣдуемое непріятелемъ, частью разошлось по домамъ, частью направилось въ Галицію. Теперь все снова пошло кое-какъ на ладъ. Власть опять въ рукахъ временнаго правительства. Не имѣя при себѣ печати, Степанъ подписался на воззваніи жонда, напечатаннаго въ Краковѣ по этому случаю. Высоцкій и другіе нисколько не спорили. Высоцкій хочетъ служить въ военныхъ рядахъ. На его мѣсто, какъ комиссара или, точнѣе, директора военнаго отдѣла ¹⁾, назначенъ генералъ Крушевскій, а секретаремъ къ нему Бентковскій. Мирославскій рветъ и мечетъ, не хочетъ признать жонда, а иначе сойтись невозможно. Находится теперь въ Краковѣ и формируетъ отрядъ. Выдалъ пренелѣпный протестъ противъ диктатуры Лангевича, подписанный Даниловскимъ и Еской. Этотъ протестъ сильно ему повредилъ въ общественномъ мнѣніи. Но кажется, уладимъ дѣла и съ нимъ.

Что касается движенія — оно держится упорно и есть надежда, что пойдеть въ гору еще. Приобрѣтаемъ вездѣ больше и больше сочувствія. Деньги и оружіе прибываютъ. Даже легитимисты ²⁾ предлагаютъ соединеніе и даютъ деньги. Изъ-за границы напиратьють на насъ постоянно, чтобы мы держались какъ можно дольше. Большой недостатокъ въ офицерахъ.

Добиваются изъ-за границы возстанія на Литвѣ и на Руси. На Литвѣ бьются въ Лядскомъ повѣтѣ, подъ начальствомъ Нарбута, а въ Инфлантахъ ³⁾— подъ начальствомъ Потоцкаго и двухъ братьевъ Рыкъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ всеобщаго возстанія на Литвѣ. На Руси вѣтъ еще ничего, но будетъ. Не можемъ понять, чтѣ сдѣлалось съ тобою, милый Сигизмундъ. Что-то, однако, скверное. Ты просишь, чтобы тебя перевести на другое мѣсто. Временное правительство ничего не имѣетъ противъ этого, но противъ этого разныя обстоятельства: во-первыхъ, некуда тебя перевести; во-вторыхъ, въ Плоцкомъ

¹⁾ Южныхъ воеводствъ.

²⁾ Разумѣть, какъ кажется, бѣлую дирекцію.

³⁾ Инфлантами поляни называютъ вообще Лифляндію и 4 сѣверо-западные уѣзда Витебской губерніи. Тутъ идетъ дѣло, безъ сомнѣнія, объ этихъ послѣднихъ.

ничего, въ такомъ разѣ, не останется, между тѣмъ тамошніе жители намѣрены поддерживать возстаніе и вообще оно должно тамъ быть, что бы ни случилось; въ третьихъ, нѣтъ въ виду никого, кто бы могъ въ настоящую минуту тебя замѣнить. Поэтому рѣшено оставить тебя еще на нѣкоторое время въ Плоцкомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ найденъ кто-либо другой на это мѣсто. Тѣмъ временемъ, переговаривъ съ гражданскими властями, организуя новое систематическое движеніе; главнѣйшимъ образомъ, заготовь оружіе (въ-за границы), аммуницію, лошадей и т. п.

Временное правительство просить тебя, во имя любви къ отечеству, остаться на мѣстѣ. Оно желаетъ довольно давно ввести тамъ правильную повстанскую администрацію и нѣсколько разъ предлагало тебѣ указать кандидатовъ. Не дождавшись ничего, назначило воеводскимъ начальникомъ ¹⁾ Евстафія Грабовскаго, изъ Кендзержина. О другихъ узнаешь отъ него. Отъ него же получишь и правительственную экспедицію, или отъ пана Карла. Комиссаръ назначенъ лишь временно. Можетъ быть смѣненъ во всякую минуту.

Конецъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Твой ***.

IV.

(Отъ Бобровскаго).

[Съ польскаго].

Милый, безцѣнный Сигизмундъ!

Письмо твое поразило меня страшно. Чтобы ты, стоявшій когда-то во главѣ движенія, ты, который геройски бился подъ Мишинцемъ, пришелъ вдругъ къ позорной мысли бѣжать за границу — этого я, твой вѣрный и неизмѣнный другъ, не пойму никогда и не могу понять. Думаю, что это было минутное заблужденіе, страннѣйшій коппаръ, которому ты печально поддался, но никогда подобное рѣшеніе не могло серьезно родиться въ твоемъ умѣ и сердцѣ. Оставимъ чужія заблужденія въ сторонѣ; забудемъ, что и какъ было, только будемъ помнить, что для обоихъ насъ оставленіе занимаемыхъ нами постовъ есть просто-за-просто дезертирство; выѣхавъ за прусскую границу, мы падемъ ниже Бончи и Гротгуса. Только, тѣ, кто выдержитъ до конца, заслуживаютъ уваженія людей. Что намъ за дѣло, если кругомъ происходятъ разныя неконсеквентности и подлости, — не такія и не оттуда идущія, какъ ты воображаешь, но такія, которыя никоимъ образомъ не могутъ послѣдовать, если только станемъ исполнять какъ надо свои святые обязанности. Коли погибнемъ на своихъ мѣстахъ, наше дѣло приобрететъ двухъ чистыхъ людей, которые будутъ служить примѣромъ для другихъ; но оставивъ свои мѣста, опорознить себя бѣгствомъ — это... это все равно, что убить себя навсегда, дать себѣ патентъ на вѣковѣчное бездѣйствіе. Брось эту проклятую мысль отъѣзда за границу — мысль, которая никогда бы не должна тебя позорить; пріѣзжай въ Варшаву, передавъ власть Мышковскому, или кому-либо другому, пріѣзжай — и отдохнешь подлѣ моего дружескаго сердца; выберешь занятіе, какое тебѣ угодно. И мнѣ также нужно тебя увидѣть и обнять, чтобы набрать новыхъ силъ, ибо тернистый путь борьбы, который мы съ тобою избрали, труденъ. Подкрѣпившись такимъ образомъ, могучіе нашею дружбою и вѣрою въ наше дѣло (которое, въ концѣ концовъ, непременно одержитъ побѣду, не смотря на людское тупоуміе), съ новыми силами и энергіей примемся работать и будемъ работать до послѣдняго издыханія! Обнимаю тебя тысячу разъ. Твой Степанъ.

Сообщ. Н. В. Вергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Разумѣется: гражданскимъ воеводскимъ начальникомъ.